

Андрей Астахов

Сын льва

«Лениздат»

2009

Астахов А.

Сын льва / А. Астахов — «Лениздат», 2009

Говорят, что боги всемогущи. Однако судьба бывает жестока и к ним. Так уж получилось, что они забыты людьми и теперь сами не могут остановить нашествие своих извечных врагов – демонских полчищ из мира призраков и теней. Боги древности лишены своей божественной силы, и все, что они могут сделать, так это найти героя, выполняющего их волю. А для этого удивительным образом сплести судьбы двух молодых людей, отмеченных их выбором, – отважной и жестокой женщины-воина и выросшего в неволе изнеженного раба, никогда не державшего в руках оружия. Свести их вместе и отдать в их руки свою собственную судьбу и грядущие судьбы этого мира, стоящего на пороге нелегких испытаний. Наделить их таинственными Реликвиями, наделенными волшебной силой. Ввергнуть их в пучину невероятных приключений и опасных предприятий, а после этого ожидать исхода великой битвы, которая вот-вот начнется.

© Астахов А., 2009

© Лениздат, 2009

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	20
Глава третья	30
Глава четвертая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Андрей Астахов

Сын льва

Моим друзьям, Юлии и Валерию, которые еще раз доказали простую истину, что старые друзья – самые лучшие.

*Презрением другого не клейми
И для начала истину пойми:
Нам не постичь идеи Драматурга —
Есть тайный строй у пьесы Демиурга,
И каждый из актеров в свой черед
На сцену неизбежно попадет.
Не позже то случится, но не прежде,
И не суди актеров по одежде!
Убогий шут в начале представления
В конце – мудрец без преувеличенья,
Герой в итоге может быть развенчан,
А холостяк с красавицей повенчан,
И тот, кто нам казался жалким псом,
В финале предстает могучим львом*
Пейре де Монтьер «Лэ о спеси»

Глава первая

Это было хорошо знакомое чувство – за три года выступлений она десятки раз его испытывала, проходя по длинному темному коридору, который цирковые бойцы называли Путем Обреченных. Чтобы пройти его неспешным шагом, походкой воина, готовящегося к битве, требовалась пара минут – достаточно времени для того, чтобы предаться воспоминаниям и прочувствовать, какой же великой ценностью является жизнь и как она неразумно поступает, подвергая ее смертельному риску. Особенно теперь, когда она больше не рабыня, не цирковое мясо, предназначенное для кровавого зрелища. Но Путь Обреченных выводил в конце концов к Воротам Рока – огромным дубовым воротам, за которыми были яркий дневной свет и арена. Место, которое манило храбрецов, которое рождало их и питалось их кровью. За воротами ждали победа и слава – или смерть. До нее здесь проходили многие, и многие пройдут этим путем после того, как ее не станет. Но пока героиня дня – она, Каста-Воительница, Каста-Амазонка, лучший боец Большой арены Дарната. Сегодня пришел час еще раз доказать, что она достойна своей славы.

Ее противник уже там, на арене. И зрители ждут ее появления. Старый ланиста Дерак сказал ей, что сегодня цирк просто забит народом – это значит, что схватку увидят больше семидесяти тысяч человек. Семьдесят тысяч пар глаз будут не отрываясь следить за каждым взмахом оружия, за каждым движением бойцов, ожидая кровавой развязки поединка. Семьдесят тысяч граждан благословенного богами города Дарнат будут делать ставки, кто же победит в этом бою, и кто-то сегодня уйдет из цирка богачом, а кто-то потеряет все, поставив на побежденного. Потому что с арены сегодня уйдет живым только один. Таково условие поединка, которое поставил ей Шабак, секретарь Абнуна, хозяина Большого Цирка. Таково условие каждого поединка в честь богов Дарната.

Каста дошла до конца коридора, выпрямилась, встала перед воротами, дожидаясь, когда привратники, наряженные демонами смерти, откроют их. Она еще не видела арены, но могла слышать рев многотысячной толпы на трибунах цирка и была спокойна. За три года своей

карьеру циркового бойца Каста участвовала в ста тридцати пяти схватках, и почти всегда боги ее отцов были благосклонны к ней – лишь дважды она получала серьезные ранения, опасные для жизни. Она сражалась в парных и групповых боях: ее противниками были легкие и быстрые копьеносцы-ретиарии и тяжеловооруженные меченосцы, секироносцы и латники, всадники и колесничие, люди, звери и злобные чудища, доставленные в Дарнат из далеких земель отважными охотниками. Она убивала всех. Однако сегодня она встретится с необычным противником. Никогда еще на арене Большого цирка не встречались в рукопашной схватке человек и орк.

Тяжелые барабаны с надрывным скрипом наматывали на себя мощные железные цепи, створки начали расходиться, и в лицо Касты ударил яркий солнечный свет, особенно желанный после тьмы кубикул и коридора, которым она шла к арене. А потом она увидела арену – девственно-чистую, белоснежную от покрывающего ее чистейшего морского песка. Она шагнула вперед, двинулась к центру арены пружинистой легкой походкой, и волна восторженных воплей и рукоплесканий накрыла ее. Каста обожала эти секунды – ради них стоило рисковать жизнью. Она увидела глаза зрителей; тысячи мужчин смотрели на нее с вождением, тысячи женщин – с завистью. Уже давно она была для этих людей героиней, воплощением силы и отваги, и осталась ею до сих пор. Про ее красоту, отвагу и жестокость слагают стихи, и самые высокопоставленные мужчины царства домогаются ее любви. Ее встречают так, как, быть может, не встречают на улицах Дарната самого шофета – Тень богов на Земле, правителя этого города. И только потом, оторвав взгляд от переполненных трибун, Каста увидела в самом центре арены своего врага.

Орк был огромен. Он был на локоть выше девушки и раза в два шире. Густо заросшая черными волосами грудь орка бугрилась железными мускулами, кривые ноги видом и крепостью напоминали дубовые сучья, жесткая грива торчала дыбом. Когда Каста шагнула к противнику, глаза орка полыхнули алым пламенем, а верхняя губа поползла вверх в усмешке презрения, открыв острые желтые клыки. Орк был вооружен большим овальным щитом и тяжелым обоюдоострым топором-лаброй на рукояти в полторы сажени длиной, который, однако, в его могучих ручищах смотрелся как игрушка.

– Ха, женщина! – хрипло крикнул орк. – Тулькан ждуть, когда женщина иди с ним драться. Тулькан уважать женщина. Тулькан быстро убивать женщина. Он показывать голову женщина свои дети по праздникам! Красивый голова, Тулькан долго его хранить.

Каста ничего не ответила. Нет смысла разводить политесы с этим чудищем. Странно, однако, что эта тварь вообще умеет говорить. Она с удовлетворением подумала, что для этого поединка подобрала правильное оружие. Дерак предлагал выбрать копьё, но Каста решила взять оружие, которое опробовала и на людях, и на зверях. Когда-то она сама придумала, как превратить обычный стальной пехотный меч в жестокое оружие убийства; оставив одно из лезвий таким, какое оно есть, Каста при помощи циркового кузнеца превратила второе лезвие в острейшую пилу, удар которой неминуемо вызывал сильное кровотечение и шок. Зазубренный клинок, который окрестили Живодером (сама Каста называла его Лаской Шантэ), немедленно вошел у бойцов в моду, сделав сражения в цирке еще более кровавыми и жестокими, но она-то была первой! И этот орк сейчас почувствует на себе, каково это – пропустить даже случайный удар Живодера. Тем более что доспехов на орке почти нет, только широкая юбка из вареной кожи, защищающая низ живота и бедра. Несколько режущих ударов Живодером по рукам и ногам, и исход боя будет решен.

Каста подняла глаза к трибуне, где сидел шофет, но с удивлением увидела, что правитель сегодня не соизволил посетить цирк. Это было неожиданно, божественный шофет никогда не пропускал схватки с ее участием. Место правителя занимала его молодая жена, прелестная Куати, дочь царя Саиса Зураппы и красивейшая женщина Дарната, облаченная в пурпур и виссон, сверкающая драгоценностями великой цены. Касте показалось, что в изумрудных глазах

красавицы она увидела нечто большее, чем просто интерес к ней. Жена правителя смотрела на нее с восхищением. Но почему Куати в одиночестве? Однако странно, что сам правитель пропускает такой необычный бой. Божественный Рас-Наван, шофет Дарната – великий любитель ратных забав, это все знают. Может быть, правитель занемог? Или такое равнодушие к поединку – тревожный сигнал для самой Касты, знак монаршей немилости?

– Женщина трусить! – рявкнул орк, выводя Касту из раздумий. – Тогда Тулькан нападать первый!

Сказал – и прыгнул под дружный рев трибун. Тяжелая острозаточенная лабра сверкнула в воздухе, и Каста лишь в последний миг успела подставить щит. Даже скользящий удар лабры заставил ее покачнуться. Но она быстро пришла в себя. В быстром пируэте отскочила вправо и резанула мечом по руке с секирой, но не рассчитала расстояния. Орк втянул косматую голову в плечи, заревел и нанес новый удар. На этот раз Каста без труда ушла из-под удара, кокетливо улыбнулась орку – она хорошо знала, что такая улыбка бесит ее противников.

– Ну давай, урод, чего встал? – крикнула она. – Или уже вымахался?

Орк попытался достать девушку боковым секущим ударом, но лезвие лабры лишь задело край щита, и Каста усмехнулась. Если боги не попустят ей пропустить случайный удар, то этот поединок за ней. Орк слишком медлителен, неуклюж и прямолинеен, да и секира совсем не то оружие, с которым удобно драться против меченосца. Сейчас она его пощекочет...

Тулькан разгадал атаку противницы и искусно ушел вбок – зазубренный клинок с противным скрежетом царапнул по щиту орка. Потом они какое-то время кружили по арене, сверля друг друга свирепыми взглядами. Цирк притих – все, затаив дыхание, ждали новой атаки, стремились не пропустить момент, когда наконец-то прольется первая кровь.

Каста продолжала улыбаться. После того, как орк вновь попытался достать ее размашистым боковым ударом лабры, она послала ему воздушный поцелуй, вызвав смешки на трибунах. Орк атаковал вновь. Девушка легко уклонилась от удара, пробежала мимо Тулькана на цыпочках и встала, выставив перед собой щит и отведя руку с Живодером назад, как бы приглашая орка атаковать.

– Хочешь меня поиметь? – крикнула она. – Попробуй, красавец. Я залюблю тебя до смерти.

На трибунах захохотали. Тулькан оскалил клыки и внезапно прыгнул вперед. На этот раз он не рубил, а просто ударил тычком, попав в середину щита. Касту отбросило назад, будто ее ударили тараном. Орк взревел, повторил атаку, усилив удар в щит девушки яростным прыжком. Трибуны взревели – лучший боец Дарната, непобедимая амазонка Каста, упала навзничь. Трибуны услышали ее пронзительный крик. Но орк сделал то, чего никто не ожидал. Подняв секиру, Тулькан отошел на шаг и прохрипел:

– Вставать, женщина! Тулькан не бить лежачий!

Каста, выплевывая набившийся в рот песок, поднялась на ноги. Тысячи глаз с недоумением смотрели на нее, а она смотрела на орка. Тулькан спокойно стоял, положив лабру на плечо, и ждал, когда девушка придет в себя. И Каста увидела его взгляд. Станный взгляд – в глазах орка не было ни ярости, ни жажды крови. Орк смотрел на Касту с интересом, будто старался получше ее рассмотреть.

– Ха! – крикнул он. – Вставать, драться! Ты красивая женщина, и Тулькан хочет убивать тебя красиво.

А он тщеславен, в замешательстве подумала Каста. И благороден, прах его забери – цирк совсем не то место, где следует соблюдать кодекс воина, но этот орк, видать, следует правилам честного боя даже тут. Однако таких ударов пропускать больше нельзя. После удара секирой левая рука онемела, щит сильно погнулся, но ран она не получила. Касте показалось, что на безобразном лице орка появилась торжествующая ухмылка. Видать, этот урод решил, что она

всего лишь слабая девка, которую можно прихлопнуть, как надоедливую мушку. Самое время убрать ухмылку с его физиономии!

Каста бросилась вперед. Реакция у нее всегда была хорошая, она-то ее и спасала в поединке со зверями и монстрами. То, как Живодер распорол шкуру орка, Каста не увидела, а почувствовала всем телом. Она отскочила назад, закрываясь помятым щитом, и со злой радостью увидела, что лицо орка исказила боль, а песок под его ногами на глазах напитывается темной кровью. Зазубренное лезвие Живодера все-таки нашло жилу на бедре Тулькана.

– Нет, это я убью тебя красиво, – злорадно произнесла она.

Тулькан опомнился, пошел вперед. Каста сразу заметила, что ее противник заметно припадает на раненую ногу. Орк начал наносить мощные размашистые удары секирой, хэкая, будто мясник, но все они не попадали в цель – Каста уворачивалась от них с грацией, вызвавшей на трибунах рев восторга и гром аплодисментов. Потом, улучив момент, девушка сама атаковала, и снова Живодер попал в цель. На этот раз удар пришелся в бок, разорвав кожу и мышцы.

Трибуны заходились в криках восхищения. Теперь мало кто сомневался, что победа за человеком. Песок на арене покрывали все новые и новые багровые пятна, и вместе с кровью орк терял силы и надежду. Даже столь выносливое и сильное существо не сможет долго сражаться с таким кровотоком. Воистину, боги любят Касту-Дикарку! Опять она победила. Вот она снова пошла вперед, теснит орка, наносит удар за ударом. Эка, глядите, она в третий раз ранила этого урода! Слава Касте! Слава Непобедимой!

– Добей! – неслось с трибун. – Добей!

Орк уже с трудом отбивал виртуозные атаки Касты. На его руках и ногах появилось еще несколько рваных кровоточащих ран, лицо стало совсем серым, дыхание – прерывистым. Каста не торопилась; победа от нее никуда не денется, лучше поберечься и не подставиться ненароком под удар страшной лабры, одного точного удара которой довольно, чтобы оставить от нее мокрое место. Орк ранен, истекает кровью, но глаза его по-прежнему горят боевым огнем, и сил у него еще достаточно.

– Женщина тянуть время. Женщина жалеть, – вдруг прохрипел орк. – Пора заканчивать. Тулькан готов умирать.

Каста поняла. Тулькан признал поражение, и все, чего он хочет, так это умереть быстро и достойно. Кивнув орку, она молниеносно прыгнула вперед и ударом щита сбила противника с ног. Рев семидесятитысячной толпы оглушил ее.

– Убей! Убей орка! – кричали ей со всех сторон. – Прикончи эту падаль! Кас-та! Кас-та!

Тулькан лежал без движения и тяжело дышал. Кровавая лужа все больше растекалась под ним, но Каста вдруг поняла, что орк в схватке не получил ни одной смертельной раны. Кровь из ран орка была темной и вытекала медленно, хоть и обильно – Живодер не перерезал ни одной артерии. Тулькану повезло. С такими ранами выживают. Хотя о каком везении речь, если жить храброму орку осталось всего несколько мгновений?

– Убей! – гремело в ушах девушки. – Добей!

Внезапно Каста вспомнила о жене шофета, красавице Куати. Интересно, она тоже требует смерти этого орка? Она подняла глаза – Куати продолжала сидеть на резной скамеечке и смотрела на нее. В ее огромных ясных глазах было отвращение, а бледность, покрывшую ее лицо, не мог скрыть даже слой тональной пудры. Бой не доставил ей удовольствия, обилие пролитой на арене крови напугало красавицу, а предстоящий финал схватки вызывал у нее только страх и омерзение.

Каста отвела глаза от трибуны шофета и занесла меч. Тулькан кивнул ей и запрокинул голову, чтобы открыть горло.

– Женщина победить, – сказал он устало. – Убить быстро.

– Нет! – Каста лишь спустя какое-то время сообразила, что это говорит она сама. – Хотите его смерти? Клянусь Гаваном, никогда! Я боец, а не мясник. Если кто хочет, пусть сам выйдет сюда и добьет раненого. Он сражался честно и храбро. Я не хочу убивать!

Крики смолкли, над огромным цирком повисла тишина. Еще никогда боец не шел наперекор воле публики. Более того, пощада была дарована не человеку – свирепому чудовищу, уродливой твари. Но Каста смотрела не на этих людей, ожидавших зрелища смерти и разочарованных непонятной и неожиданной развязкой. Она снова перевела взгляд на царицу Куати, будто только ее решение могло сейчас спасти или погубить раненого орка.

Куати медленно поднялась со скамеечки. Глаза ее были холодны и пусты. Но прежде чем покинуть трибуну, правительница Дарната сняла с пальца перстень и бросила на арену, к ногам Касте. Зрители встретили этот царственный жест торжествующим ревом.

– Долго думать, – сказал орк, и в его желтых глазах мелькнуло удивление. – Убивать!

– Нет. – Каста подняла с песка сверкнувший алым огоньком перстень и поклонилась в ту сторону, куда под гром оваций удалились супруга шофета и ее свита. – Пусть кто-нибудь другой выпустит тебе кишки. Я не хочу.

– Ты спятила! – сказал ей старый Дерак, когда она вышла в Ворота Победителей и смогла наконец-то напиться и вытереть пот с лица. – Почему ты не убила эту тварь? Устроители игр страшно недовольны. Смотри, как бы не пожалеть!

– Ты угрожаешь мне, старик? – спокойно спросила Каста, зачерпнув ковшиком новую порцию воды из ведра.

– Ах, дочка, ну почему ты не хочешь послушать мудрого совета! Орка специально доставили в цирк, чтобы его убить, как ты не понимаешь? Все хотели видеть, как отважная Каста прикончит чудовище. Ведь это был всего лишь орк. Тупая жестокая тварь. Говорят, они человечину едят. А ты обманула их надежды. Теперь публика отвернется от тебя. Твоя слава померкла, дочка. Из-за глупого непонятного мне сострадания.

– Глупого? – сощурилась Каста. – А ты видел, как в начале боя, когда я потеряла равновесие и упала, это чудовище позволило мне встать на ноги? Да ни один из тех псов, с которыми я дралась на этой арене, не вел себя так же благородно, как этот орк! Кстати, пусть лекари поспешат его перевязать. Если он не истечет кровью, то поправится и проломит на арене еще немало человеческих голов на радость этим кровожадным скотам.

Старый ланиста не ответил девушке и ушел, сокрушенно покачивая головой. Однако Каста о нем уже не думала – к ней подошел помощник распорядителя игр Шабак, моложавый человек в хорошей шелковой тунике и с золотым ожерельем на шее.

– Раскисаешь, героиня, – сказал Шабак с презрительной усмешкой. – Раньше ты убивала, не раздумывая.

– Раньше я была глупой, теперь поумнела. Ты принес деньги?

– Вот они. – Шабак подал девушке мешочек с золотом. Каста заглянула в него.

– Здесь только десять саккаров, – сказала она, тяжело посмотрев на Шабак. – Мы договаривались на двадцать пять.

– Когда благородный Абнун заключал с тобой договор, селтонка, он рассчитывал увидеть на арене Касту-Воительницу, Касту-Убийцу. Ты же сегодня заслужила прозвище Касты-Плаксы.

– Ты думаешь, я сейчас кинусь бить твою смазливую рожу, Шабак? – спокойно сказала девушка, хотя в душе у нее все кипело. – Как бы не так, сволочь! Я знаю, что закон защищает такую мелкую мразь, как ты и твой хозяин. Но погоди, придет день, и ты сам приползешь ко мне и будешь умолять выступить на этой трижды засратой арене! А пока проваливай отсюда, а то ведь я могу и про законы забыть.

– Глупая шлюха! – Шабак улыбнулся, но в глазах его был страх. – Смотри, как бы твои безумные речи не передали наверх, в Дом Солнца.

– Сегодня Солнце из Дома Солнца была на представлении, и в ее глазах я прочла просьбу быть милосердной, – ответила Каста, – хотя подобное тебе шакалье требовало крови этого бедняги. Я знаю, каким богам молиться. Пятнадцать саккаров остаются за тобой, Шабак, и за толстопузой жабой по имени Абнун. Однажды я приду, чтобы потребовать их обратно.

– Придешь, как же! – Шабак сделал отвращающий жест в сторону Касты. – Скорее небо упадет на землю или ты свой варварский зад поцелуешь. Дорога в цирк теперь закрыта для тебя, жалкая селтонка. Навсегда.

Много городов на подносе Вселенной, и каждый из них по-своему любим бессмертными богами, но нет города богаче и прекраснее, чем Столица Семи Морей, Священный город Игерабала, славный Дарнат!

Молодой шофет Рас-Наван, Хранитель Солнца, смотрел с балкона своего дворца на огромную бухту Дарната, и сердце его наполняла гордость. Еще бы, в каком еще городе мира есть такой порт? Быстроходные триремы и громадные пятипалубные торговые гептаресы с Золотой Горы кажутся игрушками, зажатými в Ладони Игерабала – так дарнатцы называли свою бухту. И все эти суда в его власти. И весь этот город, где храмы, дворцы и сады так прекрасны, что даже неотесанные варвары замирают от восторга, попадая на улицы Дарната. К услугам шофета пятидесятитысячная армия из наемников и огромный флот в тысячу кораблей, готовый сокрушить любого врага. Для шофета нет ничего невозможного. Одно слово – и дарнатские купцы бросят к его ногам несметные сокровища, накопленные многими поколениями. Один намек – и тайные убийцы избавят его от врага, если даже им придется отправиться за его головой на край земли. Одно высказанное желание – и придворные маги сумеют пробудить тайные неназываемые силы, чтобы исполнить волю шофета. Воистину, только избранный Высшими силами в неполные двадцать лет может обладать такой великой властью! Однако почему на его сердце тяжесть и отчего так часто приходят к нему печальные мысли? Не потому ли, что все боги к нему расположены, и только одна капризная богиня обходит его своей милостью?

Одна-единственная богиня. Прекрасная Куа, дарующая смертным любовь.

– Луккар! – негромко позвал шофет.

Один из двух роскошно разодетых придворных, вошедших в покой несколько мгновений назад и нерешительно застывших за спиной правителя, вздрогнул, мелкими торопливыми шажками подкрался к шофету, упал к его ногам.

– Ты доставил мои подарки? – спросил шофет.

– Да, о Лучезарный!

– Прекрасная Шеммер-Та-Нат приняла их?

– Она не вышла ко мне, о Лучезарный. Твои подарки я вручил домоправителю Узмая, и он поклялся, что несравненная Шеммер-Та-Нат сегодня же оценит их богатство и красоту.

– Ты сказал о моем приглашении?

– Конечно, о Лучезарный. Домоправитель заверил меня, что все передаст своей госпоже.

– Хорошо, Луккар, я тобой доволен. – Шофет протянул руку для поцелуя, и Луккар тут же приник к ней губами.

– Ты хочешь что-то сказать, Гаваор? – спросил шофет, не оборачиваясь, второго придворного.

– Государь, прибыл ваш дядя, Верховный жрец Шат-Цебу. Он сказал, что повелитель назначил ему аудиенцию на полдень.

– Верно, я совсем о нем забыл... Пригласи его сюда, Гаваор. А вы оба можете идти.

Придворные, кланяясь и обметая мраморный пол своими широченными рукавами, выскользнули из покоя. Шофет перевел взгляд на бухту. Вода в свете солнца казалась то прозрачно-зеленой, то густо-синей. У его жены Куати глаза зеленые. А у Шеммер – синие. И почему-то в последнее время он стал отдавать предпочтение синему цвету.

Визит Верховного жреца Рас-Наван воспринял с воодушевлением. Владыка Ашран – единственный при дворе, если не считать Луккара и Гаваора, кто знает о его тайной страсти. К удивлению шофета, Ашран воспринял исповедь юного правителя с пониманием. И может быть, сегодня Рас-Наван услышит от главы жреческой коллегии Шат-Цебу дельный совет. У любящего дяди всегда найдется хорошая идея для любимого племянника.

Жрец, роскошно одетый и благоухающий дорогими ароматами, вошел неторопливой и важной походкой – его власть в Дарнате почти равна власти шофета, так что не стоит во время встречи родичей с глазу на глаз обременять себя ненужными церемониями. Обменявшись с шофетом поцелуем – единственное требование придворного этикета, который владыка Ашран всегда соблюдал, – жрец осторожно, чтобы не помять складки своей роскошной мантии, опустился на скамью. Рас-Наван продолжал стоять.

– Здесь можно говорить спокойно, – сказал шофет. – Нам никто не помешает.

– Рад видеть тебя в добром здравии, племянник. Кое-кого удивило, что ты сегодня не был на Играх. Такое невнимание к цирковому представлению сочли даже за признак твоего нездоровья.

– Мне не хотелось смотреть на эту бойню. Но уж если ты об этом заговорил, так расскажи – было ли сегодня на арене что-нибудь стоящее?

– В первом отделении было много крови. Абнун не обманул наших ожиданий. Звери были великолепны.

– А во втором отделении?

– Твоя любимица Каста победила орка, однако оставила ему жизнь, хотя весь цирк требовал прирезать его.

– Это похоже на Касту, – усмехнулся шофет. – Она как дикая кошка, ее нельзя приручить. Только поэтому я до сих пор не взял ее в свой дом. Сделаю ее своей наложницей, а она меня зарежет, ха-ха-ха! Абнун, похоже, был в ярости?

– Еще бы! Думаю, толстяк до сих пор в страхе обливается кровавым потом. Ведь он обещал тебе, что Каста прикончит орка.

– Я не могу гнаться на Касту. Она своенравна, как необъезженная кобыла, но... красива. Красивой женщине многое прощается.

– Если позволишь, племянник, такое своеволие недопустимо. Бои в цирке не только зрелище, но и подношение жертвы богам. Бои должны заканчиваться смертью участников.

– Меня все это мало заботит. Я думаю о другом, дядя.

– О делах государственных? Или же о синеглазой деве из Храмового квартала?

– Надеюсь, ты сохранил в тайне наш разговор.

– Можешь не беспокоиться, жрецы умеют молчать. Если хочешь знать мое мнение, тебе не стоит давать волю чувствам. Твоя жена Куати прелестна, и я бы посоветовал тебе больше обращать внимания на нее, а не на дочку купца.

– Дядя, это сильнее меня. Я вторую неделю пытаюсь обуздать свою страсть, но от этого она разгорается все сильнее и сильнее.

– Это потому, что ты молод. В твоем возрасте любовь похожа на безумие – она поглощает нас целиком и заставляет совершать глупые и непонятные поступки. В конце концов, ты шофет, Воплощение Солнца на Земле. Ты волен взять на свое ложе любую женщину, какую пожелаешь. Возьми себе Шеммер-Та-Нат, и никто не посмеет тебя осудить.

– А отец Куати? Ты забываешь, дядя, что я женат всего четыре месяца. Этот мир устроен так, что мою связь с Шеммер-Та-Нат не получится скрывать от людских глаз. Слухи и сплетни разлетаются быстрее стрел. Царь Зураппа будет оскорблен, если узнает, что я делю ложе не только с его дочерью. А мне кажется, что я не люблю Куати и никогда не любил.

– В интересах государства тебе следовало бы проникнуться к ней самой горячей любовью и поскорее родить от нее наследника, – серьезно сказал жрец.

– Знаю, дядя, знаю! Ее отец ждет от меня того же. Так было бы хорошо и правильно. Однако богиня Куа смеется надо мной. В моем сердце не осталось места для моей жены.

– Боги иногда шутят над смертными, – изрек Ашран. – Вот и воспринимай все как шутку. Скоро праздник Моря, и тебе надо подумать, как порадовать морского владыку Игерабала. Все-таки именно этот бог покровительствует Дарнату.

– И это говоришь ты, жрец Шат-Цебу? Что-то я не пойму тебя, дядя.

– Сейчас поймешь. – Ашран сцепил пальцы рук, поднял взгляд к расписному потолку, будто там собирался прочесть то, что сейчас поведаст правителю. – Бог Шат-Цебу доволен тобой, племянник. Наши дела обстоят куда лучше, чем при твоём отце и моём возлюбленном брате, светлая ему память! Саис больше не враг нам – твой брак с прекрасной Куати сделал нас союзниками, – да и на юге дикарские племена присмирели. Города Пятиречья признали твою власть, а ведь еще год назад там заправляли мятежники. Правда, на западе сейчас по-прежнему беспокойно, а все из-за проклятой Сабей. Их пираты продолжают нападать на наши торговые суда.

– Ну и что?

– А то, что нам нужно усилить наш флот. Конечно, флот Дарната и сейчас мощен и непобедим, но никогда не помешает долить еще масла в светильник, даже если он горит ярко.

– Продолжай. Пока я не могу понять, куда ты клонишь.

– Владыка должен заниматься государственными делами, – загадочно сказал жрец, – а что может быть более угодным для богов, чем укрепление возлюбленного ими города? В день Моря ты объявишь совету Знающих, что задумал построить новые корабли, дабы распространить нашу власть на все Зеленое море. И ты их построишь – могучую эскадру, которая покончит с сабейскими разбойниками и их столицей Гале, этой язвой на челе океана. Когда-то твой отец хотел покорить Сабей, но тяжелая болезнь помешала ему. Ты, не он, доведешь великий замысел до конца. Ты уничтожишь логово сабейских разбойников и заслужишь милость богов и признательность своего народа.

– Начать войну с Сабеей? Помнится, мы начали разговор с другого, дядя.

– Конечно, мы говорили о синеглазой красавице. Ее отец – один из богатейших купцов Дарната. Известно ли тебе это?

– Разумеется, дядя, я знаю, что ее отец Узмай – богач, каких поискать. И что же?

– Для постройки нового флота нужны деньги.

– И ты предлагаешь мне...

– Вряд ли главы купеческих гильдий Дарната откажут тебе, если ты возьмешь у них деньги на строительство нового флота. Притом мы с тобой знаем, что Узмай, отец нашей красавицы Шеммер-Та-Нат, владеет крупнейшими в Дарнате частными верфями.

– Но при чем тут Шеммер-Та-Нат?

– Ты сделаешь ее отца придворным корабелом, а это высокий пост. Больше того, я ведь не случайно просил тебя порадовать жрецов Игерабала. Они могут, если захотят, даровать придворному корабелу высокий титул Сына Моря. Когда-то, в древнем Дарнате, Сын Моря считался вторым человеком после шофета.

– Ты предлагаешь мне возвеличить какого-то безродного купца? Но в чем цель? Боги, я не услужу за хитроумным сплетением твоих мыслей, дядя!

– В безродности все и дело. Ты можешь взять Шеммер-Та-Нат в свой дом. Ты шофет, тебе все позволено. Но девушка эта слишком низкого происхождения, и твое общение с ней будет выглядеть в глазах царя Зурашпы как похождения по гулящим девкам. Это плохо. Но все изменится, когда ее отец будет возвеличен. Если Сын Моря считается по нашим древним законам равным высшим вельможам, то почему шофет не может взять на свое ложе его дочь?

– Клянусь глазами Куа, ты прав! – Взгляд Рас-Навана засверкал, юноша бросился к жрецу и обнял его. – Мой тесть Зураппа осудит меня, если я возьму *просто* наложницу, тем самым унизив его дочь, но не сможет оспаривать наших обычаев!

– Ты заключишь с прекрасной Шеммер-Та-Нат ритуальный брак, который вовсе не исключает плотских сближений. Маленькая хитрость, но в итоге ты получишь сразу три вещи, которые сделают тебя еще более великим и счастливым; синеглазую деву, деньги купцов и новые корабли, которые усилят Дарнат на западе, и при этом сохранишь свое лицо перед строгим тестем, – подытожил Ашран. – Угроза со стороны Сабейи все оправдывает. Вот так правят великие правители, племянник.

– Дядя, ты воистину кладезь премудрости! Однако Праздник Моря будет уже на следующей неделе. У нас мало времени.

– Это означает только одно – что уже через неделю ты насладишься прелестями Шеммер-Та-Нат, и никакие ревнивые жены и их отцы тебе в этом не помешают. Доверься мне и подготовь два указа – о постройке новых судов и о назначении Узмая главным придворным корабелом. Этого достаточно. А жрецов Игерабала я беру на себя.

– Сделаю сегодня же! – Рас-Наван буквально светился счастьем. – После встречи с тобой соберу совет и объявлю о решении усилить флот.

– И боги щедро вознаградят тебя. – Ашран поднялся со скамьи, важно поцеловал племянника в лоб. – До встречи, племянник. Пусть Шат-Цебу благословит твою руку и твой разум! Я счастлив, что помог тебе принять верное решение к твоему благу и благу всего Дарната!

– На то и нужны мудрые советники, дядя.

– Не всякий правитель их слушает, – сказал Ашран, направляясь к выходу. – Но меня боги одарили разумным племянником. Ты получишь то, чего желаешь всем сердцем. Я никогда не бросаю слов на ветер. Но сначала хочу кое-что тебе сказать. Пришло время поговорить о делах государственных, и дела эти, дорогой племянник, великой важности. Два дня назад ко мне в храм пришел тайный представитель одного шеранского мага. Маг хочет встречи, и я согласился на эту встречу.

– Шеранский маг? – Рас-Наван порывисто повернулся на каблуках, шагнул к жрецу. – Здесь, в Дарнате? Ты собрался встретиться с ним? И ты так спокойно об этом говоришь?

– Да, племянник, потому что собираюсь выяснить, что задумал этот маг. Шеранские шпионы и раньше проникали в наши земли, но еще никогда посланец Круга Чаши не искал встречи с главой жрецов Дарната. В этом есть что-то необычное. Я намерен встретиться с ним и узнать, чего они хотят.

– Клянусь Игерабалом! Тайный посланник заклятого врага нашего царства ищет с тобой встречи, и ты так спокоен! Хорошо, что ты сказал мне об этом. Ступай и постарайся выведать их планы. Где назначена встреча?

– В Старом городе. Умоляю тебя, племянник, не нужно никакой стражи и сыщиков. Если шеранит что-нибудь заподозрит, мне придется плохо. Одному Шат-Цебу известно, какими секретами черной волшбы владеет этот маг. Поэтому доверься мне. Я устрою все так, как нужно. А после встречи я расскажу тебе, чего хочет от нас проклятая королева Эре-Далора.

* * *

Через час после встречи с шофетом Верховный жрец Шат-Цебу, облаченный в простую темную одежду младших жрецов, в одиночку покинул храм на Площади Богов, миновал священные сады Куа и, углубившись в бедняцкие кварталы Старого города, добрался до неприметного дома на окраине Дарната. Двери ему открыл молчаливый слуга с лицом, закутанным пропитанной дегтем тканью так, что были видны одни глаза.

– Веди к хозяину, – велел Ашран. Слуга издал странный звук, похожий не то на хрип, не то на мычание, закивал головой и повел жреца в глубь дома по длинному коридору, освещенному лишь тусклыми масляными светильниками. Ашран со страхом и отвращением смотрел своему проводнику в спину – он догадывался, кого Кирис использует в качестве слуги. Хотя, с другой стороны, более надежных слуг, чем шеранские Молчаливые, быть не могло. Дом был старый, ветхий, расшатанные половицы противно скрипели под ногами, ободранные стены покрывал толстый слой копоти, пахло мышами и плесенью. Следуя за слугой, Ашран поднялся по лестнице на второй этаж дома и вошел в просторную, но грязную и скудно обставленную комнату, где его уже ждали.

– Владыка Ашран! – Худощавый бритоголовый человек в винно-красных одеждах, стоявший у окна, повернулся к гостю и отвесил жрецу Шат-Цебу церемонный поклон. – Вы пришли, какая честь!

– Мастер Кирис. – Ашран ответил поклоном.

– Вы пришли один? – Кирис жестом отпустил слугу, и они остались вдвоем.

– Один.

– Весьма неосмотрительно с вашей стороны. Я впервые в вашем городе, и мне он не понравился. Слишком много нищих и воров. Эта часть города буквально кишит ими. Для человека вашего сана и положения опасно ходить по бедняцким кварталам в одиночку. Я бы не возражал, если бы с вами была небольшая охрана – человека три-четыре.

– Меня защищает сила Шат-Цебу, – ответил Ашран. – И еще эта одежда. Уважение к жрецам в Дарнате очень велико. Ни один грабитель не осмелится поднять руку даже на младшего жреца.

– Хорошо. – Мастер Кирис указал гостю на одну из скамей, сам сел напротив. Маги долго молчали, глядя друг на друга. Это была их первая очная встреча, до сих пор два волшебника общались при помощи шифрованных писем. Теперь же Кирис сделал то, чего владыка Ашран от него не ожидал – приехал в Дарнат собственной персоной.

– Вина? – внезапно спросил Кирис.

– Благодарю, не стоит. – Ашран понял, что пора переходить к делу. – Я прочитал ваше последнее послание и решил, что оно заслуживает внимания.

– Весьма польщен, – с иронией в голосе ответил маг. – Рад, что вы нашли время встретиться со мной.

– Однако мне странно, что такой могущественный человек, как вы, решили остановиться здесь, в этих трущобах на краю города.

– У меня не было выбора. Вряд ли в Дарнате пришли бы в восторг от визита шеранского мага.

– Дарнат и Шеран давно не враги, – возразил Ашран, прекрасно понимая, что неубедителен. Кирис засмеялся.

– Но и не друзья, – заметил он. – Нашего посла нет при дворе нашего шофета, да и при других дворах тоже. Обладание Силой зачастую доставляет неудобства, мой друг. Нас боятся – и правильно делают. Мало кому понятны наши истинные цели. Время Шерана еще не пришло. Но скоро придет. И вы сделали правильный выбор, согласившись нам помочь.

– Я хочу...

– Конечно, вы хотите процветания и могущества Дарната. А это возможно, если правителем вашего города будет достойный человек, отважный муж и искушенный волшебник. Таким шофетом были бы вы, мастер Ашран. Кстати о шофете – вы изложили наш план вашему племяннику?

– Да, и он согласен осуществить его. Только у него своя причина для этого.

– Любовь! – Кирис улыбнулся, но его черные пронзительные глаза остались холодными. – Что ж, он получит то, чего желает. И все мы получим то, чего хотим, когда придет время.

– Будем откровенны, как добрые друзья, мастер Кирис. Мой племянник хочет взять на свое ложе женщину, в которую влюблен, и ради этого готов начать войну с Сабеей. Я хочу стать правителем этого города и сделать его оплотом Силы на берегах моря. А чего хотите вы?

– Так ли хотите вы знать все это, мастер Ашран? Иногда неведение бывает куда лучше знания. Знание приносит скорбь и тревогу.

– Вы мне не доверяете?

– О нет! За два года нашего заочного знакомства вы доказали мне, что вполне заслуживаете доверия. Просто моя королева взяла с меня обязательство хранить в тайне наш общий замысел. Да и маги Чаши будут недовольны, если узнают, что я рассказал вам о наших планах.

– Словом, вы мне ничего не скажете.

– Напротив, – сказал Кирис, заметив промелькнувшую на лице владыки жрецов Шат-Цебу обиду. – Я так ценю вас, что расскажу вам все. Я считаю вас своим другом и союзником и не хочу использовать вас втемную. Но вам придется набраться терпения, чтобы выслушать всю предысторию.

– Я готов. – Голос Ашрана даже дрогнул от нетерпения. Кирис засмеялся.

– Что вы знаете о Реликвиях Отца Теней, мастер Ашран? – спросил он.

– Только то, что записано в священных книгах.

– А именно?

– В священных книгах записано, что двадцать тысяч лет тому назад весь мир был под властью правителей дома Нин, и люди жили так долго, что это трудно сейчас вообразить. Царь Нингирах Первый правил пять тысяч пятьсот лет, а его сын Нин-Уштиан – семь тысяч триста. Это было чудесное время, когда сила и знания Нин преобразили всю землю. Города тогда строили из золота и хрусталя, а в садах росли райские плоды, дарованные людям богами. Люди были тогда очень благочестивы и почитали богов за их заботу. Так продолжалось, пока трон не занял внук Нин-Уштиана Аюкка, который решил во всем сравняться с богами – попросту говоря, стать бессмертным. Он обратился к Девяти Вечным с просьбой даровать ему бессмертие, но боги отказали. Вот что они изрекли Аюкке через оракула: «Человек – творение Божье и не может быть равным богам. Ваша жизнь и так достаточно длинна, чтобы вы успели совершить в ней все, что предназначено вам свыше. Ты требуешь невозможного». Однако Аюкка продолжал поиски бессмертия, и однажды в его алмазный дворец Аталу пришли жрецы Отца Теней, владыки Бездны.

– Все верно, – подтвердил Кирис. – И правитель Аюкка принял от Владыки Теней три дара, которые вместе приносили великое благо – бессмертие. Отец Теней через своих жрецов вручил Аюкке Слово Бездны, Венец Бездны и Пламя Бездны. Вы хорошо знаете священные тексты, мастер Ашран.

– Наши священные тексты учат, что с Дарами Отца Теней для людей пришли великие беды. Началась эпоха Шу, время господства демонов Теневой Стороны. Мир погрузился в непрерывный ужас... А потом начался потоп, который уничтожил мир Первоначального Века. С тех пор человеческая жизнь стала намного короче, и мы проживаем ее в трудах и болезнях.

– Но Дары Бездны остались в нашем мире, – сказал Кирис.

– Однако никому не удастся их найти. Ни одна из священных книг не объясняет, какие же дары получил от жрецов Отца Теней глупый Аюкка.

– Шеранские маги это знают.

– В самом деле? – Ашран с любопытством посмотрел на мага. – Интересно бы узнать, и что это за Дары?

– Правильнее сказать, у нас есть описание каждого из этих Даров. Слово Бездны – это две таблицы с письменами, золотая и серебряная. Они содержат заклинания, которые дают возможность пробудить силу древних правителей Шу и управлять ей. Венец Бездны – это вол-

шебный шлем. А вот Пламя Бездны – это жезл, излучающий свет преисподней. Из трех Даров именно Пламя Бездны обладает наибольшей силой.

– И что они дают?

– Три вещи, которые искал Аюкка – силу, вечную юность и бессмертие. То, чем обладали люди в эпохи Нин и Шу.

– Надо ли понимать, что вы располагаете этими Дарами?

– Пока только одним – Словом Бездны. Но мы знаем, где искать остальные два, и скоро Дары Бездны будут у нас в руках.

– И что это вам даст?

– А вы не понимаете? – Кирис поднял руки к потолку. – То, что человек искал с момента его сотворения богами – истинное бессмертие. Мы, маги Шерана, долгие века пытались разгадать тайну бессмертия и многого добились, но не нашли ключа к настоящей вечной жизни. Все три Дара, собранные вместе, вернут мир к временам Золотого века Шу, когда Земля была под властью одного властелина, не было войн и люди жили вечно, не боясь смерти. И сделаем это мы, маги Чаши.

– И властелином Земли будет ваша королева?

– А почему бы нет? Ее величество Маргиана достойна абсолютной власти как никто другой. Если вы знаете более достойного монарха, назовите его имя. Знаете такого?

– Однако я не совсем пойму, при чем тут Сабея, мастер Кирис. – Ашран ушел от ответа, сменив тему. – Объясните мне, почему так необходимо начать с ней войну.

– По двум причинам. Сабея – давний враг Дарната, и если уж воевать, то лучше всего с ней. А вторая причина кроется в знании, которым мы обладаем. В одной из Таблиц Судеб записано, что скрытый правитель Сабее может захватить эти Дары и стать разрушителем мира.

– Скрытый правитель? В Сабее правит сейчас малолетняя дочь короля Раймона. О каком правителе речь?

– Пророчество Хлодда, восьмое в тринадцатой Таблице, посвященной будущему, называет этого скрытого правителя Сыном льва.

– Я не помню этого пророчества в тринадцатой Таблице.

– Возможно, вы просто о нем забыли.

– В самом деле. – Ашран потер пальцем свой мясистый нос. – Вы мне все очень хорошо объяснили. А теперь давайте поговорим о главном. Что в том случае, если я помогу вам, получаю я сам?

– То, что вы хотите – трон шофета, прекрасную Куати и поддержку Шерана. Когда же Дары Бездны проявят свою чудесную силу, вы получите еще и бессмертие и власть над созданиями Теневой Стороны. Вы станете одним из магов Чаши, мастер Ашран. Мы не забываем своих друзей. А пока примите вот этот перстень. – Кирис снял с пальца кольцо с чудесным голубоватым бриллиантом и протянул его Верховному жрецу. – Это подарок от моей госпожи, королевы Маргианы. Она просила передать вам его в знак уважения и дружбы. Не беспокойтесь, перстень не зачарован. Это обычное украшение, которое, как мне кажется, достойно вас.

– В самом деле? – Ашран принял перстень; даже ему, неискушенному в драгоценных камнях человеку, было понятно, что камень в кольце имеет великую цену. – Очень признателен королеве. Передайте ее величеству мою благодарность за чудесный подарок.

– Королева Маргиана надеется на вас. Она очень хочет, чтобы давней бессмысленной вражде между нашими государствами был положен конец. Грядет новая эпоха, и ворота в нее откроем мы, маги Дарната и Шерана. Покорение Сабее – первый шаг на пути к осуществлению наших планов. У нас общий враг и общие цели. Надо пользоваться моментом и забыть о прошлом.

– Вы умеете убеждать людей, мастер Кирис. – Ашран отвесил шеранцу церемонный поклон. – Я уйду от вас, полный надежд.

– Пойдите, это еще не все. Как я понимаю, ваш юный шофет желает войны с Сабеей. Однако сабеи – отличные моряки, и их столица Гале сильно укреплена. Кровь храбрых дарнатских легионеров будет литься в этой битве рекой и на суше и на море.

– К чему вы это говорите, мастер Кирис?

– Я хочу сказать, что врага не стоит недооценивать. Да, Дарнат обладает многочисленной армией и отличным флотом, но этого мало. Сабеи могут противопоставить вам рейдерскую войну на море; их флот гораздо меньше вашего, но у них быстроходные суда и храбрые моряки. Поэтому я хочу вам помочь. Вам нужно оружие, которое быстро и эффективно разрушит морскую мощь Сабеи и облегчит взятие крепости Гале.

– Вы имеете в виду особую боевую магию?

– Не совсем в том смысле, который вы вкладываете в свои слова, дорогой друг. Боевая магия – вещь могущественная, но у нее есть большой недостаток. Хорошего боевого мага очень долго и очень дорого обучать, уж не говоря о том, что не каждый может им стать, а убить его может любой идиот, удачно послав в мага стрелу стоимостью в два каваша. Вам понадобится много времени, чтобы подготовить достаточно магов-бойцов для войны с Сабеей. Есть более простой, быстрый и дешевый способ – просто принять чужие знания и использовать их для победы над общим врагом.

– И что это за знания?

– Смотрите. – Кирис извлек из своего поясного кошелька маленькую стеклянную бутылочку, наполненную красной фосфоресцирующей жидкостью, и бросил ее в камин. Яркая вспышка ослепила Ашрана: в камине забурило оранжевое бездымное пламя, такое жаркое, что Ашран немедленно попятился прочь от огня – выносить его жар даже в пяти шагах от камина было невозможно.

– Это еще не все, – сказал Кирис, улыбаясь: его сухое лицо в багровых отсветах бушующего пламени казалось лицом адского демона. – Попробуйте плеснуть на пламя водой из кувшина – оно разгорится еще ярче.

– Что это, во имя Шат-Цебу?

– Пироколлодиум. Изготовить его проще простого, и ведро пироколлодиума будет стоить вашей казне дешевле, чем кожаный нагрудник лучника. Но достаточно наполнить огненным зельем маленький кувшин и выстрелить им из катапульты по кораблю, и вражеское судно вмиг превратится в плавучий ад. Погасить горящий пироколлодиум невозможно... почти невозможно. Это зелье поставит Сабеею на колени.

– Великие боги! – Ашран сделал жест, отворачивая злых духов, перевел изумленный взгляд с угасающего пламени на Кириса. – Но для войны нужно много вашего зелья. Вы изготовите его для нас?

– Зачем? Я передам вам рецептуру. Пользуясь ею, ваши маги смогут изготовить достаточно пироколлодиума, чтобы превратить весь сабейский флот в груды плавучих головешек. Вам совершенно необязательно говорить, что вы получили рецепт зелья от меня; можете сказать, что нашли его в древних книгах. Ваш юный владыка поверит вам, можете не сомневаться.

– Это воистину великий день для Дарната! Шофет будет доволен.

– Считайте это вкладом моей страны в общую победу.

– Я потрясен. И где же рецепт?

– Вот он. – Кирис подал Верховному жрецу лаковый тубус со свитком. – Прочтите его и вы поймете, что оружия дешевле и лучше вам не сыскать нигде.

– Сегодня же соберу магов и прикажу начать работы по изготовлению пироколлодиума.

– Успехов вам, мастер Ашран. Держите меня в курсе ваших начинаний.

– Прощайте, мастер Кирис.

– До встречи!

Маги обменялись церемонными поклонами, и владыка Ашран покинул комнату – его лицо просто светилось от радости. Шеранский маг после ухода Верховного жреца остался в кабинете – сев в кресло, он терпеливо ждал, когда вернется молчаливый слуга, тот самый, что привел гостя перед началом беседы. Наконец слуга вернулся. При его появлении Кирис немедленно встал.

– Фу! – Слуга сорвал пропитанный дегтем шарф, закрывавший лицо, стянул с рук грубые дерюжные перчатки, тоже вымоченные в дегте. – Я едва не задохнулась.

– Ваше величество не мог испортить даже наряд Молчаливых. Я прикажу подать горячей воды, чтобы вы могли умыться.

– Успею. – Королева Маргиана милостиво подала магу руку для поцелуя. – Хорошая работа, Кирис. Похоже, маг сумеет убедить мальчишку, и война начнется.

– Не сомневаюсь в этом, ваше величество.

– И мы получим то, что хотим?

– Именно так. Я сделаю все, чтобы после падения Гале проникнуть в подземелья Сабиянума. Новый союзник мне не откажет в такой маленькой любезности.

– Я слышала ваш разговор с Ашраном, и мне было очень интересно. Расскажи мне о трех Дарах, Кирис. – Королева сбросила грубую хламиду, осталась в темной шерстяной тунике, перехваченной на тонкой талии шитым золотом пояском. Кирис невольно залюбовался правительницей Шерана: Маргиана даже в этом простом наряде была свежа и безумно хороша собой. – Ты ведь не рассказал этому варвару правду, не так ли?

– Разумеется, ваше величество. Маги Чаши никогда бы мне не простили такой болтливости.

– А какой силой в самом деле обладают Дары?

– Три Дара – это три уровня господства над древними силами Шу. Слово Бездны указывает место, где расположен вход в тайный город Шу – там покоится спящая армия Веел-Забара, последнего царя Империи Бессмертных. Венец Бездны сделает носящего его главнокомандующим воинством Теневой Стороны. Пламя Бездны даст своему владельцу силу одновременно двух Сторон бытия. Из всех трех Даров Пламя Бездны – самый могущественный.

– И ты знаешь, где они, эти Дары?

– После блистательной победы ваших войск над орками при Меру мы наконец-то заполучили Слово Бездны. В нем источник наших тайных знаний. Наше могущество будет основано на обладании Словом. Что же касается Венца Бездны, то косвенные признаки указывают на то, что он сокрыт где-то в подземельях Сабиянума.

– Ага, вот зачем нужна война с Сабеей! – Королева рассмеялась звонким девичьим смехом. – Но объясни мне, Кирис, почему нельзя просто выкрасть Венец из Гале? Так ли нам необходимы союзники?

– Выкрасть можно, моя королева. Маги Чаши даже собирались поручить это нашим агентам в Гале. Но потом архимастер Храор все же убедил магов в необходимости войны. Сабеей – наш враг, и Дарнат – наш враг. Что может быть лучше для нас, чем война между нашими врагами? Их ждут страдания и разорение, а все плоды победы достанутся нам.

– А где находится Пламя Бездны?

– Этого не знает никто. Лишь обладание первыми двумя Дарами может привести к главному сокровищу – Пламени Бездны.

– Безумно интересно! Однако позволь заметить тебе, Кирис, что ты весьма опрометчив. Не стоило доверять варвару секрет огненного зелья.

– Ваше величество, рано или поздно этот секрет станет известен всем. Состав зелья так прост, что однажды начинающий алхимик создаст его случайно, и маги Чаши об этом знают. Ради нашей победы над Сабеей и овладения Венцом Бездны можно пожертвовать таким незна-

чительным магическим секретом. Посмотрим теперь, как Ашран распорядится моим подарком. Надеюсь, он правильно использует его.

– Да, жаль, что у Шерана нет своего флота. Что теперь, Кирис?

– Теперь нам можно возвращаться домой, в Эре-Далор, если только вашему величеству не угодно еще задержаться в Дарнате.

– Мне? Клянусь Отцом Теней! Я буду рада увидеть этот город, когда он превратится в груды пепла и обломков. Сейчас меня от него просто тошнит. Я скучаю по Шерану как никогда. Ты хорошо поработал, Кирис. Я подумаю, как вознаградить тебя за это.

– Я всего лишь слуга вашего величества.

– Хороший слуга, я бы сказала. Пусть твои Молчаливые готовятся к отъезду.

– Я и сам хотел предложить вам уехать из Дарната, ваше величество. Как раз перед встречей с Ашраном я получил весточку из Эре-Далора. Мастер боя Рахус сообщает, что часть наемников, которых наши вербовщики наняли в Диких городах, согласились принять эликсир, и ваша гвардия Неустрасимых пополнилась еще сотней воинов. Вам стоило бы самой присутствовать на их первом построении.

– Мудрое замечание, Кирис. Тогда поспешим, и пусть Дарнат провалится к демонам! Надеюсь, однажды мы поступим с этим городом так, как он того заслуживает.

– Это случится очень скоро, ваше величество.

– Надеюсь. – В лиловых глазах Маргианы появился кровавый блеск. – Нас ведь ничто не остановит, Кирис?

– Ничто, ваше величество. Мы отыщем все три Дара Бездны. И вы вернете этот несовершенный мир к временам Шу. Вы соедините Плоть и Тень, станете бессмертной правительницей всей Вселенной.

– Звучит заманчиво. Я тебя больше не задерживаю. Собирайся в путь!

Глава вторая

Каста подняла голову. Этим вечером она выпила больше обычного и теперь ощущала не только опьянение, но и сильную непривычную усталость. Правильно сказал этот проклятый пес Шабак – она раскисает. Раньше она могла пить ночи напролет да еще и укладывала с собой в постель двух-трех мужчин и утром чувствовала себя настоящей амазонкой, а не бессильной старой клячей. А теперь...

Каста огляделась – «Золотой кубок» был полон народу, хотя приближалось время второй стражи. У стойки собралась компания моряков и портовых грузчиков, а у дальней стены, в ярко освещенной части огромного зала, за шестиугольными столами собрались игроки в «черное и белое» – их возгласы и стук фишек о столешницу разносился по всей таверне. Вроде все как обычно. «Золотой кубок» славился на весь Священный город своей кухней и своей игрой – хозяин таверны, Уршад-Забияка, купил у Канцелярии Бога патент, разрешающий ему в своем заведении держать игровые столы. Кого-то манили в таверну Уршада изысканные привозные вина и кушанья дарнатской кухни, такие как «шумбура» – густая похлебка из разных сортов рыбы и креветок с лимоном и мятой или «близнецы» – жаренные на вертеле свиные котлеты под соусом из яиц, уксуса, перца и шафрана, – но большинство гостей все же приходили попытаться счастья в игре. С вечера до утра в таверне собирались игроки со всего Дарната, и можно было встретить самых разных людей – и офицеров Священного Легиона, и торговцев, и подозрительных типов с бегающими глазами, младших жрецов, богатых бездельников, матросов из гавани и вольноотпущенников. С начала вечера к Касте уже подходило немало завсегдатаев цирка – выразить восхищение ее красотой и воинским мастерством, признаться в любви, пригласить к себе в дом. Однако несколько раз Каста ловила на себе злобные косые взгляды неизвестных ей людей: верно, это были те, кто сегодня в цирке лишился своих денег из-за искусства первой воительницы Дарната. Но сегодня в заведении Уршада почему-то не было видно цирковых бойцов, хотя обычно Каста обязательно встречала тут кого-нибудь из собратьев по ремеслу, и это было странно.

– Эй, еще вина! – охрипшим голосом крикнула она.

Девушка-подавальщица принесла кувшинчик с розовым сабейским нектаром, приняла у Касты деньги. Подавальщица была хорошенькая, глазастая и полненькая, и в ее глазах был страх. Ей было непонятно, как может Каста пить в одиночку неразбавленное вино в окружении мужчин. Каста поняла, сделала страшные глаза. Подавальщица отшатнулась от нее и постаралась затеряться в толпе.

Кто-то положил ей руку на плечо.

– Я знал, что я тебя здесь найду, – сказал Дерак.

– А? – Каста перевела взгляд с подавальщицы на старого ланисту. Дерак сел напротив своей ученицы, подозвал пугливую подавальщицу и потребовал вина. Девушка, еще раз испуганно глянув на Касту, поспешила за вином.

– Пытаешься напиться? – Дерак оглядел батарею пустых кувшинчиков на столе перед Кастой. – Неплохое занятие. Иногда вино помогает забыть о неприятностях. Хотя красивой девушке не подобает пить в одиночку, да еще такое крепкое вино.

– Зачем ты пришел?

– Я пришел выпить. Надеюсь, ты не против?

– Валяй! – Каста налила вина в кубок себе и ланисте, выпила, почмокала губами. – Хорошее у Уршада вино. Пьяное, клянусь вечной красотой Берис! Пей же, старик. Я угощаю.

– Абнун был в ярости, когда ты ушла из цирка, – сказал Дерак. – Я думал, он лопнет от злости, как перезревший арбуз. Ты бы видела его лицо! Оно стало фиолетовым, как гелатская

слива, а глаза просто лезли из орбит. Его едва удар не хватил. Ты сильно разозлила его, дочка. Он сказал, что с этого дня близко тебя к Цирку не допустит.

– Плевать я на него хотела! Эта жаба мне еще деньги должна. Пятнадцать саккаров, забери его чума! Он мне недоплатил. Я вернусь в Цирк, когда он мне заплатит все до последней монетки. Близко не подпустит, говоришь? Сам приползет умолять, чтобы я снова начала выступать. Меня публика любит. А у него нет ни одного стоящего бойца, только хилые недоноски, которые срутся от страха, едва услышав слово «арена».

– Это ваши с Абнуном дела. Я пришел не затем.

– А зачем же, интересно знать?

– Тебе следует быть осторожной.

– Осторожной? Что ты имеешь в виду, Дерак?

– До меня дошла сплетня, что Абнун хочет тебе отомстить.

– Что? – Каста криво улыбнулась. – Эта свинья хочет мне отомстить? И как же, интересно знать? Задавит меня своим пuzом? Или нагадит под моей дверью?

– Я не знаю, дочка. Но недооценивать Абнуна не стоит. Он прикормил многих подонков в Старом городе, и у него большие связи. Сегодня ты нанесла Абнуну смертельную обиду – он рассчитывал, что ты убьешь орка, как этого требовали организаторы игр. Ты же знаешь, что в таких боях правило одно – не оставлять побежденного в живых. Очень многие недовольны тем, что ты сделала.

– Мне все равно, старик. Я сделала то, что сделала.

– Неужели ты думаешь, что орку сохранят жизнь?

– Что ты сказал? – Каста отставила недопитый кубок. – Что значат твои слова? Объяснись, порази тебя стрела Некриан!

– Сразу после твоего ухода из Цирка Шабак приказал добить орка.

– И они... убили его?

– А ты как думаешь?

– Проклятые свиньи! – Каста яростно засверкала глазами. – Абнун мне заплатит и за это подлое убийство, клянусь!

– Не горячись. Я пришел не затем, чтобы сказать тебе об убийстве орка.

– Тогда что тебе нужно, Дерак?

– Меня попросил найти тебя тот самый орк, о котором мы так много говорим – непонятно почему. Клянусь Игерабалом, ни один орк не заслужил такого внимания. И мне невдомек, почему ты...

– Замолчи, Дерак. – Каста почувствовала, что хмель слетает с нее с невероятной быстротой. – Ближе к делу. Что он тебе сказал?

– Этот Тулькан у своих соплеменников был вроде колдуна-шамана. Когда его унесли в кубикул, я пытался выяснить, куда ты ушла. А тут ко мне подбежал какой-то мальчик из свиты Шабак и попросил идти за ним. Я поднялся к Шабак и случайно услышал, как он приказал своим людям прикончить орка и избавиться от тела. Мне это не понравилось, и я после разговора с Шабак пошел искать нашего врача – я подумал, что лекарь сможет убедить Шабак оставить орку жизнь. Мне не хотелось, чтобы твой благородный, хоть и глупый поступок пропал впустую.

– Говори, Дерак. По делу говори.

– Короче, я спустился в кубикул и увидел орка – он лежал на циновке, и раб-лекарь перевязывал ему раненую ногу и бок. Он увидел меня и спросил, где ты. Я сказал, что не знаю. Мне показалось, орк был очень расстроен. Тогда он сказал мне, чтобы я тебя нашел и дал вот это. – Дерак протянул девушке странный амулет: на засаленном кожаном шнурке висел круглый серый камень с дыркой посередине. – Он вообще-то очень хотел поговорить с тобой и просил тебя найти.

– Я иду в Цирк. – Каста встала с табурета, но голова закружилась, и девушка, чтобы не упасть, схватилась за край стола. Дерак покачал головой.

– Тебе совсем не к лицу пьянство, дочка, – сказал он. – И уж тем более не стоит тебе сейчас туда идти.

– Может быть, ты ошибаешься, и Тулькан еще жив. Я не дам его убить, будь я проклята!

– О, совсем забыл сказать – орк велел передать тебе, чтобы ты показала камень какой-то Динче. Он сказал, что она живет здесь, в Священном городе, недалеко от рынка. Больше он ничего не сказал, только попросил тебя найти. Думаю, тебе он сказал бы куда больше.

– Тем больше у меня причин пойти в Цирк и убедиться, что Шабак и его прихвостни еще не успели с ним расправиться.

– И все же я бы поостерегся.

– С каких пор ты стал трусом, Дерак? – с горечью произнесла Каста.

– С тех пор, как постарел. Тебе всего двадцать два года. Ты сильна и здорова, как тигрица, и тебе неизвестно, как старость глумится над нами. Каждое утро я благодарю богов, что мои руки и ноги еще повинуются мне и мозги мои пока не высохли, как плевков на солнце. Доживешь до моих лет – поймешь. А пока я тебя предупредил. Еще раз говорю тебе, Каста, будь осторожна. Абнун опасен, а ты его разозлила.

– Спасибо за совет. – Девушка бросила на стол золотой саккар и направилась к выходу. Дерак смотрел ей вслед и качал головой.

* * *

Вход в Большой Цирк закрывали еще до полуночи, если не проводилось круглосуточных боев, поэтому Каста и не рассчитывала, что привратник специально для нее откроет ворота. Однако она и не собиралась ломиться через центральные ворота. Она намеревалась войти с входа, о котором знали лишь гладиаторы и цирковая челядь – этот вход находился рядом с каналом. Именно здесь разгружались грузовые суда с припасами и животными для Цирка, и с этого входа все это добро доставлялось в кладовые и клетки под ареной. Каста не сомневалась, что ей удастся пройти – у нее, как и у всех элитных гладиаторов, был ключ от служебного входа, а сторожем был земляк-селтон. И еще Каста очень надеялась, что Абнун или хотя бы Шабак окажутся в этот час в Цирке. У них найдется о чем потолковать.

Миновав узкие и грязные улицы Торгового квартала, Каста вышла на набережную и пошла вдоль широкого канала, перерезающего Приморский квартал на две почти равные части. Большой Цирк находился на холме, в самой северной части Приморского квартала, а дальше шли сады Игерабала и храмовый город. Каста шла и думала, что этой ночью неплохо было бы нанести визит Абнуну – хозяин Цирка жил как раз в храмовом районе – и просить за несчастного орка. Каста и сама не могла понять, с чего это вдруг ее так озаботила судьба Тулькана, ведь это был всего лишь орк. Однако рассказ Дерака просто взбесил девушку. Она сохранила орку жизнь, а эти свиньи... Она и раньше терпеть не могла Абнуна и его прихвостня Шабак, сколотивших огромное состояние на человеческой крови – на крови самой Касты в том числе. Теперь же ее одолевали кровожадные мысли. Но сначала надо попасть в Цирк.

До пристани она дошла за четверть часа. Луна скрылась за тучами, и улицы погрузились в густой мрак, но это было на руку Касте. Она быстро миновала крохотную площадь со статуей богини-матери Мамму-Аштеннет, преодолела несколько узких переулков и оказалась прямо перед пристанью. В свете факелов несколько рабов-грузчиков складывали к стене ящики и мешки, на Касту они не обратили никакого внимания. Девушка быстро скользнула за ворота и начала подниматься по мощеной дороге, ведущей на холм, к Цирку.

Многоярусная громада Цирка нависла над ней, закрыв полнеба. Недалеко от входа Каста остановилась, вытащила из поясной сумки амулет Тулькана. Серый невзрачный камень с дыр-

кой посредине не обладал никакой ценностью – это был *просто* камень. И чего ради Тулькан решил отдать ей этот амулет? В этом есть что-то необъяснимое. Все происходящее с ней в последние сутки слишком странно. Начать с того, что она пощадила этого орка. Она, та самая Каста-Амазонка, которая без пощады убивала на арене молодых и красивых мужчин, сжалась над чудовищем. Дерак говорит правду – орки всего лишь злобные твари, свирепые бестии, которые ненавидят людей. Одержи верх в бою орк, вряд ли бы он был столь великодушен к Касте. А она пощадила Тулькана, больше того, сейчас пытается узнать о его судьбе. Да, Тулькан повел себя благородно во время их поединка, но только ли в этом дело? Все это странно и непонятно.

Касту уже давно не волновало, как живут люди вокруг нее. Даже на арене, глядя в глаза врага, она думала только об одном – как бы побыстрее покончить с ним и услышать восторженный вопль трибун. Скольких она убила вот так, под аплодисменты зрителей? Каста вначале вела счет своим победам, потом перестала. Убитые ею гладиаторы со временем перестали являться ей в снах, и даже их лица начали стираться из памяти. Ее больше не волновали их предсмертные крики, их агония, их взгляды, полные нечеловеческого ужаса. Тем непонятнее самой Касте представлялось все, что с ней произошло на арене вчерашним утром.

Она перестала чувствовать свою и чужую боль давно, четыре года назад – с того дня, когда в ее родной город Церуний пришла чума. Болезнь всего за неделю уничтожила тот мир, в котором ее звали не Каста, а Лейда. Мир ее детства и юности, где она была счастлива и который, казалось, останется вечно неизменным. Сначала умерла ее мать. Она промучилась недолго, и Каста была рядом с ней до последней минуты, хотя жрец Берис, продолжавший, несмотря на смертельную опасность, навещать умирающих, предостерегал ее. Она не заразилась, но «черная смерть» все-таки пришла в ее дом – через два дня после похорон матери заболели ее муж и крохотная восьмимесячная дочка Элеа. Ее любимый Айлор умер на пятый день болезни, пережив их дочь на один день. Каста плохо помнила, что она чувствовала в то время, когда сама обмыла тела дочери и мужа, завернула в чистые холстины, уложила рядышком на постели, а потом заперла хижину и подожгла ее. Она стояла и смотрела, как пламя разгорается и пожирает ее дом и тела ее любимых, а жители окрестных домов стояли и смотрели на нее, и в глазах их был ужас. Каста знала, что они боятся, как бы пламя пожара не перекинулось на их лачуги. А еще они боялись заразы. Они смотрели на Касту так, как смотрят на покойника. Когда горящая кровля обрушилась, Каста повернулась и, не оглядываясь, ушла из Церуния на юг, в Эпонар. Зараза пощадила ее, она выжила, хотя мечтала умереть. В Эпонаре она некоторое время зарабатывала на жизнь охотой, продавая на рынке мясо и шкуры добытых ей зверей. А потом была встреча с этим странным стариком, Марцевиусом. Он несколько раз покупал у нее ее товар, но однажды утром подошел к прилавку и сказал ей:

– Ты, верно, хорошая охотница, девушка. Вижу я, что с луком и охотничьим ножом ты управляешься лучше, чем с рукоделием. Кто научил тебя этому?

– А тебе какое дело?

– Я просто спросил. Я присматриваюсь к тебе и вижу, что ты особенная девушка. Ты очень красива, но при этом неизнеженна. Наверное, ты всегда была сорвиголовкой.

Каста только пожала плечами. Стоит ли говорить старику, что он прав? Ведь она с детских лет терпеть не могла кукол и возню с лоскутками, всегда водила компанию с мальчишками, наравне с ними устраивала разные проказы и ни в чем им не уступала, иногда даже поколачивала сверстников. Из лука ее научил стрелять Айлор, еще до свадьбы, и у нее это хорошо получалось. Так хорошо, что старый Вирион, дядя Айлора, подарил ей на свадьбу дорогой логарийский лук из черной бронзы и колчан стрел. Всех тогда удивил этот свадебный подарок, а Каста ему была очень рада – может, потому что ее успехи в стрельбе были заслугой Айлора. Муж говорил ей, что она прирожденный лучник.

– Если бы ты родилась мужчиной, ты стала бы воином, – сказал ей однажды Айлор. Ей стало смешно, но почему-то она подумала, что ее любимый прав. Теперь старик на рынке заметил то, что однажды заметил Айлор.

– Мне нужен человек для очень важной и ответственной работы, – продолжал между тем старик. – Я чувствую в тебе неведомую силу, красавица, поэтому предлагаю тебе согласиться на мое предложение. Я буду кормить тебя, одевать и платить по два золотых тулона в месяц – это хорошие деньги. Подумай и сделай правильный выбор. Если надумаешь, приходи в мой дом на улице Луны и Солнца. Я буду ждать тебя.

Он дал ей задаток – один золотой – и ушел. Каста думала недолго. В тот же вечер она пришла в дом старика и поступила к нему на службу. Старик оказался богатым купцом, и ему были нужны воины для защиты торговых караванов. Так она стала охранником у Марцевиуса. Старик выдал ей оружие, легкие кожаные доспехи и поручил старшине своей охраны обучить девушку приемам фехтования и рукопашного боя. Старшина взялся за дело. Прочие охранники смеялись над Кастой, но прошло время, и им стало не до смеха. Через шесть месяцев обучения девушка уже так уверенно и умело обращалась с длинным мечом, что старшина Танник позволил ей приступить к настоящей работе, ради которой старик ее и нанял – охранять караваны Марцевиуса от разбойников. Он даже пробовал ухаживать за девушкой, но Каста была неприступна. Именно тогда Танник впервые назвал ее амазонкой. Молодой и горячий воин не на шутку влюбился в эту странную диковатую светловолосую селтонку с искрящимися зеленовато-желтыми глазами и нежной золотистой кожей, такую хрупкую и женственную на вид – и такую непохожую на всех виденных им прежде женщин, воинственную, безжалостную к себе и к остальным и отважную. Именно Танник и дал ей это прозвище – Каста. Она спросила его, что значит это слово, и Танник, покраснев как мальчишка, ответил, что Каста на языке логарийцев значит «Светловолосая». Она видела, что Танник влюблен в нее, но ей не хотелось любить. Ни Танника, ни кого-нибудь еще. Она жила, не думая о завтрашнем дне – вся ее жизнь осталась в прошлом. Со смертью Айлора, дочери и мамы в ней самой будто что-то умерло. Она продолжала жить, но жизнь походила на сон – серый, бессвязный и бессмысленный.

По странному совпадению как раз в годовщину смерти ее маленькой Элеа она попала в плен. Все случилось неожиданно, на караван, который они охраняли, напала большая шайка кочевников-фараков. Танник и еще трое охранников были убиты в первые же минуты. Каста успела убить четверых нападавших прежде, чем ее саму оглушили костяной булавой. Очнувшись она в смрадной земляной яме, покрытая ранами и нечистотами, связанная кожаными ремнями, и с ней в яме было еще трое пленников. Они попытались заговорить с ней, но она молчала и не отвечала на их расспросы. Она так и не узнала, кто они и как попали к фаракам, – в ту же ночь их увели к алтарю предков и там принесли в жертву. Каста пробыла в яме еще две недели: время от времени фараки вытаскивали ее, отмывали от грязи, а потом насиловали – по пять-семь человек зараз. Жены фараков приходили посмотреть, как их мужья насиловали светловолосую пленницу. По вечерам, когда в стойбище кочевников зажигались костры, дети фараков собирались поглазеть на нее, вставали толпой вокруг ямы, насмехались над ней, плевали и мочились на нее, кидали в нее комья глины, навоз, отбросы и дохлых крыс. Каста не обращала на них никакого внимания; фараки значили для нее меньше, чем досаждавшие ей тучи мух. В ранах Касты появлялись их личинки, и она выковыривала их соломинкой. Все, чего ей хотелось в те дни, так это побыстрее умереть и встретиться с Элеа, Айлором, отцом и матерью. Но Некриан, богиня смерти, так и не пришла за ней. Когда она окончательно потеряла счет времени и безумие уже начало затуманивать ее разум, ее вдруг выволокли из ямы, и вождь фараков продал ее заезжему работоторговцу из Негуана, а тот в свою очередь перепродал Касту на невольничьем рынке в Дарнате за пятьдесят саккаров. Ее купил ланиста Дерак – старик правильно оценил внешние данные девушки и ее характер. Так на девятнадцатом году жизни Каста стала цирковым бойцом. От нее требовали, чтобы она убивала на арене Цирка

своих сотоварищей по несчастью, и она убивала, не задавая вопросов. Никогда еще Дарнат не видел на арене Цирка женщину-воительницу, и на бои с участием Касты валом повалил народ. Каста хорошо запомнила свой первый бой на арене; ей дали кривой бронзовый кинжал и кожаный щит и выпустили против чернокожего афаристанца по имени Мшаи-Зверолов, вооруженного длинным тяжелым копьем. Афаристанец сразу пошел вперед, яростно вопя, обзывая ее грязными словами и вращая налитыми кровью свирепыми глазами, но Каста не растерялась; отбросив щит, она изловчилась и схватила копье врага за древко и в следующее мгновение взмахом кинжала перерезала чернокожему гладиатору горло. Трибуны недовольно молчали, когда она уходила с арены через Ворота Победителей – уж слишком быстро все закончилось. После этого поединка ее вызвал к себе хозяин Цирка Абнун и сердито пояснил, что зрителю нужно зрелище, а не бойня, а после этого вновь отправил молчаливую селтонку на арену сражаться с очередным бойцом. На этот раз Каста не разочаровала зрителей. Ее новым противником был фарак, и Касте захотелось убить его медленно, растягивая удовольствие. Она с первых минут поняла, что без труда справится со своим противником, но долго и умело гоняла врага по арене, пока ударом булавы не вышибла из него жизнь вместе с мозгами. В тот день, три года назад, Каста поняла, что она прирожденный воин, хоть и рождена женщиной, и теперь у нее только одна возможность остаться в живых – убивать самой. И она убивала спокойно и хладнокровно все эти годы, убивала без пощады и сомнений и только сегодня в поединке с орком изменила самой же установленные правила. Зачем, почему? Только ли полный ужаса взгляд красавицы Куати был тому причиной? Или это боги опять неведомым и пока непостижимым образом решили изменить ее путь?

Век цирковых бойцов был недолгим. Немногие из них могли бы похвастать таким количеством побед, как Каста-Амазонка. Наверное, сила, отвага, внешняя привлекательность, хорошее владение оружием и невероятное везение позволили Касте со временем превратиться из занятой диковинки, ничтожной рабыни в кумира всего Дарната. Преклонение толпы, обожающей убийства и убийц, сделало Касту свободной, богатой и знаменитой – ведь она была так же жестока, как и эта толпа. Но Каста почти с удовольствием думала о том, что сегодня она обманула надежды этих кровожадных плебеев, сохранив жизнь орку. Толпа уже предвкушала, как она перережет поверженному Тулькану горло, а она этого не сделала.

И все-таки она очень много думает об этом орке. Слишком много, Берис свидетельница! Дерак, конечно, трус и сволочь, но кое в чем он прав. Она осталась без работы. Вместо того чтобы поразмыслить над тем, как помириться с Абнуном и вернуть себе репутацию лучшего бойца Дарната, она идет в Цирк для того, чтобы еще раз увидеться с Тульканом. Боги, какая глупость! Каста остановилась и разжала кулак, чтобы еще раз взглянуть на амулет. Просто нелепый камень с дыркой посередине. А может, дело вовсе не в этом камне?

Четыре года жизнь была ее жестоко и без всякого снисхождения. Но сегодня дикий орк мог ее убить, но почему-то не убил. Поступок Тулькана поразил Касту. Благородство и милосердие орка могло бы изумить кого угодно. После боя Каста пожалела, что не спросила Тулькана, почему он так поступил. И если орк все еще жив, она обязательно задаст ему этот вопрос.

Почему он оставил ей жизнь? Или дикий орк был первым, кто увидел, что она прежде всего – женщина?!

Вход в служебные помещения был прямо перед ней – широкие ворота в высоком, в три человеческих роста, каменном заборе, обрамленные двумя кустами цветущей магнолии. Каста вошла внутрь и оказалась в уютном дворике с фонтаном и статуей Мамму-Аштенет в центре. Сюда приходили гладиаторы, чтобы почтить Богиню-Мать, и на жертвенном камне у ног статуи лежали их трогательные приношения: чашка с просом, фрукты в грубой глиняной миске, лоскутки цветной ткани, гирлянды цветов, медные монетки. Каста прошла мимо статуи и углубилась в длинную галерею, ведущую к казармам гладиаторов и бестиарию. Здесь было темно и сыро, стоял острый запах мочи и псины. Она почти дошла до конца галереи, когда у выхода

замаячила какая-то темная тень; сутулый пожилой человек в серой одежде вольноотпущенника вышел в круг света от факела, заморгал подслеповатыми глазами, силясь различить в полутьме лицо ночного гостя.

– Каста, ты? – Старик наконец-то узнал чемпионку Дарната. – Клянусь кудрями Шантэ, какое безумие привело тебя сюда?

– Я пришла узнать, что случилось с орком, – ответила девушка. – Дерак мне сказал, что Шабак приказал убить его.

– Воистину, ты сумасшедшая! – Старик ткнул узловатым пальцем в плечо девушки. – Разве ты не знаешь, что Шабак строго-настрого приказал не пропускать тебя в Цирк? У всех нас строгий приказ препятствовать тебе, если ты захочешь войти.

– И ты будешь исполнять этот приказ, Эльрик? – Каста насмешливо сощурилась. – Станешь драться со мной?

– Могу ли я? – В голосе старого селтона прозвучала горечь. – Ты зря пришла, солнцеподобная. Орка больше нет в Цирке. По приказу Шабак его увезли в Чумные Рвы.

– Так он умер?

– Не знаю. Я слышал, как старшина гладиаторов велел двум ученикам погрузить орка на повозку и вывезти ко Рвам. Одно знаю: вечером твой орк был еще жив. Не удивлюсь, если Шабак приказал сбросить Тулькана в ров еще живым.

– Мерзавец! – Каста в бешенстве сжала кулаки. – Когда орка увезли?

– Недавно, еще до начала второй стражи. Поспеш, быть может, ты еще найдешь его тело во Рвах. Хотя, будь я тобой, я бы не рискнул соваться в это проклятое место после наступления темноты. Там сейчас хозяйничают гиены и упыри.

– А Шабак в Цирке?

– Ушел еще до сумерек. Послушай, дочка, я кое-что слышал и хочу тебя предупредить. Шабак что-то задумал. Я видел, как он давал деньги Лысому Хушни и что-то говорил. Мне показалось, что в разговоре он упомянул твое имя. Берегись, милая, дарнатские псы, похоже, начали на тебя охоту.

– Охоту, говоришь? Вот и славно. Еще один повод переломать Шабаку кости. Спасибо, Эльрик. Ты мне очень помог.

– Скажи на милость, девочка, и на кой тебе сдался этот орк? Скажу по чести, ты меня сегодня поразила. Твое милосердие было... – Старик запнулся, подыскивая нужное слово: – Непонятным. С чего это вдруг ты пощадила это чудовище?

– Я и сама не могу ответить на этот вопрос, Эльрик. Наверное, это вмешательство богов. А может, я сглупила. Все мы в жизни делаем глупости.

– Верно, сглупила! – Эльрик достал платок, вытер слезящиеся глаза. – Ты погубила свою карьеру. Что теперь будешь делать, как жить?

– Для начала пойду к Чумным Рвам.

Шорох шагов за спиной заставил Касту вспомнить об опасности. Она даже не удивилась, когда увидела циркового тренера, громадного бритоголового шурретца Хушни, и с ним еще пятерых верзил – скорее всего, они заметили ее еще во дворике и скрытно пошли за ней. Хушни шагнул к девушке и остановился в круге света от горевшего под сводом галереи факела: на его тупой покрытой шрамами физиономии появилась скверная гримаса, означавшая улыбку.

– Пришла, селтонская сука? – спросил Хушни, потирая руки. – Сама залезла в капкан, клянусь Игерабалом. Спасибо, что избавила нас от заботы искать тебя по городу.

– Я пришла по делу, Хушни, и у меня мало времени. Что тебе нужно?

– А ты не понимаешь, селтонка? Ты очень разочаровала хозяина. Очень. Хозяин не любит, когда его разочаровывают. И он велел Хушни поговорить с тобой.

– Говори быстрее. Чего ты хочешь?

– Хозяин хорошо заплатил Хушни. – Громила сделал еще шаг вперед, и его дружки сделали то же самое. – Хозяин сказал Хушни, что глупую стерву нужно как следует проучить. И Хушни выполнит волю хозяина.

– Хочешь драться? – Каста скрестила руки на груди, глаза ее гневно засверкали. – Подумай хорошенько, приятель. У тебя есть шанс спасти свою жирную задницу от больших неприятностей. Я – Каста. Со мной шутки плохи.

– Ты Каста, но ты одна, и оружия у тебя нет. – Хушни снова осклабился и помахал здоровенным кулаком перед лицом девушки. – А нас шестеро. Мы тебя поимеем по-всякому, а потом я вырежу твое нутро, чтобы ты не разродилась селтонскими ублюдками. Не боишься?

– Тебя, что ли? У тебя нечем меня поиметь. Ты просто жалкий болтун, Хушни. Я-то знаю, что ты за свою жизнь не поимел ни одной женщины, потому что ты всего лишь вонючий мужеложец. Тебя могут бояться разве только клопы, которых ты давишь во сне, – сказала Каста и неожиданно для шурретца ударила его кулаком в лицо.

Она выиграла всего лишь мгновение: убийцы, растерянные было наглостью девушки, в одиночку осмелившейся противостоять им, быстро пришли в себя и бросились на нее, размахивая кулаками, ножами и тяжелыми дубинками. Каста оттолкнула старого Эльрика и бросилась вверх по лестнице, увлекая нападавших за собой. Миновав третий пролет, она остановилась, развернулась лицом к убийцам и, издав пронзительный крик, ногой ударила в грудь ближайшего к себе бойца, почти преодолевшего пролет. Тот не удержался на ногах и с воплем полетел вниз, сбив с ног еще одного подельника. Пользуясь возникшей заминкой, Каста добежала до конца лестницы и остановилась, переводя дух. Здесь было самое удобное место для обороны, и будь у Касты с собой какое-нибудь оружие, она бы ничуть не беспокоилась о будущем. Но, выйдя из таверны Уршада, Каста не подумала об оружии, необдуманно сунулась в Цирк невооруженной. Между тем преследователи с воплями и руганью поднимались по лестнице: впереди неся сам Хушни, яростно рыча и потрясая огромными кулаками.

На глаза Касте попала тяжелая деревянная скамья, стоявшая у входа в коридор. Девушка, недолго думая, подняла ее и, размахнувшись, швырнула прямо в Хушни. Шурретец успел пригнуться; скамья, пролетев над его головой, угодила в поднимающихся за своим главарем наемников. Грохот и вопли боли и ярости прозвучали для Касты музыкой. Однако на восторги по поводу удачного броска не было времени; Хушни уже был рядом и с ревом бросился на селтонку. Каста увернулась от убийственного удара, направленного ей в лицо, сама с разворота достала Хушни ударом правой. Шурретец покачнулся, заревел от бешенства, пошел вперед. Каста ударила его под колено, а миг спустя обрушила свой кулак на бритый череп Хушни. Ощущение было такое, будто она ударила рукой по каменной глыбе: правую кисть пронизала острая боль, и Каста попятилась назад, моля всех селтонских богов о том, чтобы не допустили ей оказаться в такой переделке со сломанной рукой.

Хушни все понял, его глазки радостно сверкнули. Занеся кулаки, верзила бросился на Касту. Однако он не видел, как за спинами его подельников появился Эльрик. Старик окликнул Касту, и девушка услышала. В свете факелов сверкнула сталь – брошенный Эльриком длинный кривой кинжал-кутуба описал в воздухе широкую дугу и упал к ногам девушки. Остальное было делом секунды: Каста левой рукой подхватила оружие и, выпрямившись, нанесла точный удар, на мгновение опередив Хушни. Кровь темной струей ударила ей в лицо, разбрызгалась по стене. Схватившись руками за рассеченное горло, Хушни выпучил глаза, захрипел и опрокинулся на спину, дергая ногами, как зарезанный бык. Каста с визгом перепрыгнула через умирающего, новым ударом рассекла плечо одному из головорезов и обратным движением клинка достала третьего врага – тот с воплем отпрянул назад, зажимая глубокую рану в боку. После этого вся орава ударилась в бегство, грохоча подкованными сандалиями по ступеням лестницы. Каста вытерла с лица кровь, перевела дыхание. Когда топот, проклятия и вопли наконец-то затихли, она подошла к сраженному ею шурретцу. Хушни перестал хрипеть,

лишь судороги продолжали сводить его огромное тело. Стараясь не наступать в растекшуюся на лестнице кровавую лужу, Каста спустилась вниз.

Эльрик сидел на полу коридора, прислонившись спиной к стене, забрызганной его кровью. Голова его была разбита – убежавшие подонки все-таки успели отомстить старому селтону. Каста пощупала пульс Эльрика и покачала головой.

– Спасибо тебе, Эльрик, – шепнула она и поцеловала старика в лоб. – Ты спас мне жизнь. Пусть факел Некриан ярко осветит твою дорогу в страну предков!

В каморке Эльрика под лестницей она нашла немного воды в кувшине и жадно выпила ее. Куском мешковины вытерла клинок кутубы. На глаза ей попало старенькое полотенце, вышитое цветами, единственная мало-мальски ценная вещь в каморке. Каста взяла полотенце и, выйдя из каморки, накрыла им лицо убитого старика, после чего поспешила покинуть цирк.

Горячка боя прошла, остались ноющая боль в ушибленной руке и невеселые мысли. Подельники Хушни сбежали, а это значит, что к утру весь Дарнат будет знать о том, что произошло. Убийство свободного гражданина – серьезное преступление, за которое ее неминуемо будут судить. У нее нет доказательств, что на нее напали: Эльрик мертв, больше свидетелей у нее нет. Пять уцелевших мерзавцев будут в один голос утверждать, что это Каста напала первой, убила Хушни и ранила двоих из них. Судьи поверят им, а не ей, да еще Абнун с Шабаким им приплатят. Плохо дело. Ей остается только одно – еще до рассвета попытаться бежать из Дарната.

* * *

Незадолго до полуночи Каста вернулась в свой дом на улице Оружейников. Она купила этот дом вскоре после того, как стала звездой арены и получила от самого шофета свободу и статус гражданки. Дом был небольшой: из прислуги Каста держала только садовника, горничную и кухарку – их она отпустила еще утром, вернувшись домой после схватки с Тульканом. Ей не требовалось много прислуги, чтобы содержать в порядке пять комнат, кухню, кладовую и арсенал. Именно в арсенал Каста направилась первым делом.

Здесь было собрано так много оружия, купленного и трофейного, что им можно было бы вооружить небольшую армию. Но Каста быстро сделала свой выбор. Первым делом она сбросила пропыленную, пропахшую потом и окровавленную одежду и облачилась в свои боевые доспехи. Год назад Каста отдала за них полторы тысячи саккаров кузнецу Савалу, лучшему оружейному мастеру Дарната. Ходили слухи, что старый Савал обучался своему делу у демонов огня и металла, потому-то его доспехи и оружие были непревзойденного качества. Каста полгода копила деньги, чтобы заказать у Савала вооружение. Она сама нарисовала Савалу на куске папируса, как должны выглядеть доспехи – однажды Каста увидела во сне богиню войны Натаяю именно в таких вот доспехах, и с тех пор мечтала иметь похожие. Когда Савал доставил ей готовые доспехи и Каста примерила их, у старого кузнеца вырвался вздох восхищения. В тот день Савал сказал ей, что никогда не видел воительницы прекраснее, и она поняла, что оружейник говорит от чистого сердца. С оружием Каста определялась дольше – взять сразу меч и лук со стрелами она не могла, слишком громоздкая получалась ноша. Скрепя сердце девушка выбрала селтонский полуторный меч и покинула арсенал.

В спальне она открыла ларец, в котором хранились все ее сокровища – кольцо с топазом, два перстня с аметистами, несколько золотых цепочек и браслетов, кольцо с крупным изумрудом, подарок одного влюбленного в нее богача, два золотых амулета с цепочками – тоже дары поклонников – и пятьдесят саккаров в кожаном мешочке. Добавить к этим побрякушкам чудесный перстень с безупречным рубином, полученный сегодня от царицы Куати, и все вместе потянет на две тысячи саккаров – вполне достаточно, чтобы начать новую и беззаботную жизнь в любом городе мира. Один из амулетов Каста поцеловала и повесила на шею:

в амулете была спрятана прядка волос ее незабвенной маленькой Элеа, все, что она сумела сохранить от той жизни, когда она была Лейдой из Церуния, а не Кастой-Амазонкой. Впервые за последние три года ее сердце сжалось от щемящей тоски и захотелось плакать. Отбросив пустой ларец, Каста спустилась в кухню, выпила кружку холодной воды, наскоро перекусила копченым мясом и хлебом, сложила в мешок кое-какие припасы на дорогу и, набросив поверх доспехов широкий черный плащ с капюшоном, покинула дом. Теперь осталось самое трудное – незаметно выбраться из Дарната. Но сначала ей надо найти Тулькана и попытаться спасти его, если бедняга-орк все еще жив.

Тут ей пришла в голову неплохая идея. Несколько месяцев назад Каста одолжила крупную сумму денег одному селтону-вольноотпущеннику. Селтон, которого звали Нирран, содержал недалеко от порта небольшой кабачок под названием «Чрево кита». Он не откажет ей в помощи. Еще Каста подумала, что у Ниррана наверняка должны быть знакомые моряки, и если ей повезет, она сможет договориться с каким-нибудь капитаном и уплыть из Дарната на одной из чужеземных галер. Деньги у нее есть, так что можно попробовать. Запахнув поплотнее плащ, Каста взвалила свой мешок на плечо и быстрым шагом двинулась по улице вниз, в сторону гавани.

Глава третья

Как и надеялась Каста, Нирран согласился ей помочь. Она оставила у него мешок с вещами и немедленно отправилась в Чумные Рвы. У нее еще оставалась надежда на то, что орк Тулькан жив.

Чумные Рвы располагались за северными воротами Дарната, и Касте пришлось пройти через весь город, чтобы добраться до цели. Впрочем, никаких неприятностей ночная прогулка не принесла – после полуночи улицы Старого города совершенно пустели, а редкие наряды стражи не обращали на спешащую женщину в черном одеянии никакого внимания. Солдатам из гражданской гвардии Дарната и в голову не могло прийти, что незнакомка, так старательно прячущая лицо под капюшоном, – звезда арены, безжалостная и кровожадная Каста-Амазонка. Их равнодушие спасло им жизни: Каста решила для себя, что в случае чего не будет миндальничать. Но проливать кровь ей, к счастью, не пришлось. Стража северных ворот приняла ее за жену брошенного в Чумные Рвы преступника и пропустила, ограничившись несколькими ехидными и непристойными замечаниями.

Еще задолго до того, как Каста выбралась за пределы города, она ощутила отвратительный смрад, идущий от Чумных Рвов. Рвы начинались как раз за воротами, с правой стороны, и тянулись на несколько сотен шагов вдоль стены, до приземистой каменной башни, в которой обосновалась гильдия могильщиков. Когда-то в этих рвах сжигали трупы умерших от морозных болезней, но потом сюда стали сбрасывать тела казненных преступников, рабов и бродяг. Некоторых из них могильщики за небольшую плату закапывали в общих могилах, других сжигали, но большинство брошенных сюда мертвецов оставались во рвах, заражая воздух запахом смерти и питая полчища крыс, мух, бродячих собак и шакалов. Чтобы прогнать падальщиков и хоть немного отбить густой смрад разложения, могильщики зажигали расположенные во рвах нефтяные озера, однако черный жирный дым еще больше отравлял воздух, оседал черной копотью на стенах рвов, делая это страшное место еще более зловещим.

Одно из таких озер горело прямо на пути Касты. Убедившись, что она достаточно далеко удалилась от ворот, девушка запалила от пляшущего на поверхности озера красного дымного пламени припасенный факел. Замотала лицо пропитанной дегтем полосой материи – и деготь, и ткань она взяла в кабаке Ниррана. Затем вытянула из ножен меч и начала спускаться в ров. То, что ее окружало с первых шагов, могло вызвать ужас у самого отважного человека. По дну рва, покрытому золой и копотью и пропитанному жиром сожженных, были разбросаны обугленные кости и черепа. Кое-где зловещие останки были собраны в кучи, в которых слышались возня и рычание. Здесь же высились приготовленные для новых кремаций костры из вязанок политой нефтью соломы. Потом ей начали попадаться мертвецы. Некоторые из них лежали здесь давно и совершенно разложились, другие казались свежими, но все они были изуродованы падальщиками. Где-то совсем близко раздавались завывания шакалов и безумный хохот гиен: несколько раз какие-то темные тени бросались прочь при ее приближении. Задыхаясь от смрада и шепча охранительные молитвы, Каста шла дальше, переступая через исковерканные, изъеденные разложением и трупоедами тела, пытаясь разглядеть среди них Тулькана. Ее надежды найти Тулькана живым таяли с каждой минутой.

– Тулькан! – крикнула она, сделав еще десяток шагов. – Тулькан!

Какая-то птица пролетела совсем рядом с ее головой и взмыла в темноту, издав плачущий крик. Из темноты за горами костей послышалось злобное рычание, и Каста увидела, как вспыхивают в темноте зеленые огоньки – глаза неведомых тварей, которых она побеспокоила своим появлением. Она стояла неподвижно и ждала. Наконец рычание смолкло, сменилось хрустом и чавканьем. Подняв факел, Каста пошла дальше. От густого запаха смерти у нее начала кружиться голова, мучительная тошнота сжимала желудок. Ей казалось, что кишачие

на останках черви начинают переползать на нее. Под ее сапогами что-то хрустело, хлопало, подошвы скользили, и она едва не упала прямо на гниющую массу, когда-то бывшую человеком. Подавив безумное желание бежать прочь из этой преисподней, Каста все же добралась до середины рва, ко второму нефтяному озеру и подошла к нему. Нефть вспыхнула с гулким хлопком, и во рву стало светлее.

Внезапно ей послышался тихий стон. Сердце Касты радостно забило, она побежала вперед, лавируя между кучами обугленных костей и валявшимися во рву телами. Очень скоро она оказалась в дальнем конце рва, куда сбрасывали тела казненных рабов. Казнили их тут же, рядом с Чумными Рвами – недалеко от крепостной стены. Снова послышался стон, на этот раз совсем рядом.

– Тулькан! – крикнула Каста.

Сразу две гиены бросились на нее из темноты. Каста завизжала, замахнулась на тварей ярко горящим факелом – в его свете она могла видеть оскаленные курносые морды хищниц, их безумные глаза, полные животной злобы. Одна из гиен попятилась прочь, зато другая с хриплым лаем рванулась вперед. Каста ткнула острием меча прямо в окровавленную морду гиены и попала в глаз, а потом ударила мечом снизу вверх, так что гиена взлетела в воздух и шлепнулась на кучу останков. Вторая тварь отбежала от Касты на десяток шагов, но потом помчалась к ней большими неуклюжими скачками. Удар меча отбросил гиену назад, перебив ей переднюю лапу, а вторым ударом Каста пригвоздила раненую тварь к земле. После этого она уже не спеша добила первую гиену, пытавшуюся подняться и вновь броситься на нее. Покончив с гиенами, девушка поспешила туда, откуда, как ей казалось, доносились стоны. Через несколько мгновений она увидела Тулькана.

Орк лежал на куче обезображенных тел в углу рва. Каста содрогнулась: правая нога орка была покрыта рваными ранами, а вместо левой ступни были бесформенные кровавые лохмотья. Гиены успели сюда раньше нее. Но Тулькан был еще жив: припав ухом к могучей груди орка, Каста услышала слабое прерывистое биение сердца. Потом Тулькан тихо вздохнул.

– Тулькан! – шепнула Каста, взяв руку орка в свою.

Орк шевельнулся, издал хриплый клопочущий звук. Девушка увидела, что он открыл глаза.

– Тулькан, это я! – сказала она, наклонившись над умирающим. – Это я, Каста!

– Тулькан не видеть! – прохрипел орк. – Глаза ночь. Женщина?

– Тулькан, это я. – У Касты задрожали губы. – Прости меня, Тулькан!

– Тулькан умирать, – выдохнул орк. – Умирать хорошо. Боль кончаться. Зачем женщина тут?

– Ты хотел видеть меня.

– Динче! – сказал Тулькан. – Ходить Динче. Она сказать. Камень Айвари. *Шенай-эиган-рох-аммар-денна!*

– Что?

– Теперь женщина уходит. Тулькан умирать спокойно.

– Скажи, что прощаешь меня.

– Тулькан не злиться. Женщина жить спокойно. Тулькан умирать спокойно.

– Тулькан! – Каста неожиданно для себя самой залилась слезами. – Я отомщу, клянусь!

– Ходить Динче, – еле слышно выдохнул орк и мелко затрясся, захрипел. Каста вскрикнула, но этого крика Тулькан уже не слышал.

Девушку охватило странное оцепенение, и она продолжала стоять возле мертвого орка, держа его руку в своих руках, слушая, как рыскающие возле рвов шакалы переговариваются воплями, похожими на детский плач. Потом она поняла, что только теряет время. Ночь проходит, а ей еще надо успеть сделать то, о чем просил ее Тулькан. И позаботиться о том, чтобы гиены никогда больше не побеспокоили несчастного орка.

* * *

Дверь в башню ей открыл седой человек, такой худой и изможденный, что больше смахивал на обтянутый кожей скелет. Он с изумлением посмотрел на Касту, но потом увидел ее заплаканные глаза – и все понял.

– Входи, – велел он.

Каста вошла внутрь и без сил опустилась на глиняный помост, покрытый грязными циновками. Все плыло у нее перед глазами. Потом она ощутила легкое прикосновение. Тощий человек стоял рядом и протягивал ей чашку с водой.

– Выпей, – сказал он.

Она сорвала с лица дегтярную тряпку, поднесла чашку ко рту, но спазмы душили ее, и вода пролилась на грудь. Человек понимающе кивнул, поднес девушке грязную деревянную бадью. Он сделал это вовремя: через секунду Касту начало рвать.

– Глупая женщина, – спокойно произнес тощий. – Кто же ночью ходит сюда? Тебе повезло, что гиены и гулы не разорвали тебя на куски!

– Кто... ты? – Каста вытерла краем плаща рот.

– Проводник. Я забочусь о тех, кто оказался никому не нужен.

– Ты могильщик?

– Старшина могильщиков. – Старик вновь наполнил чашку водой из кувшина. – Там кто-то из твоих близких?

– Мой друг. Он... орк.

– Вдвойне глупая женщина, если ты дружишь с каннибалами-орками. Хотя нет на свете существа страшнее человека.

– Ты можешь похоронить его?

– Это будет стоить один саккар. У тебя есть один саккар?

– У меня есть два саккара для тебя. – Каста дрожащими руками раскрыла мешок, бросила старику золотые монеты. – Прошу... тебя.

– Олан! – крикнул старик, пряча деньги в складках набедренной повязки.

На зов старика из соседней комнаты пришел худенький подросток: в его равнодушных глазах вспыхнуло любопытство, когда Каста сбросила плащ и подросток смог увидеть ее сверкающие, покрытые искусной чеканкой стальные доспехи и длинный меч с отделанной перламутром рукоятью, привешенный к поясу.

– Олан может почистить твою одежду специальным составом, который нейтрализует трупный яд и отбивает запах смерти, – сказал старик. – Это будет стоить еще один саккар.

– Пусть почистит.

– Раздевайся, – велел старик и вышел из башни.

Каста швырнула мальчику свой плащ, содрогаясь от омерзения, стянула с себя грязные сапоги, потом распустила ремни латной юбки и защищающей грудь полукирасы. Ей было все равно, что она осталась голой и мальчишка смотрит на нее. Но Олан оказался деликатнее, чем она думала: опустив глаза, мальчик подхватил ее вещи и унес их к себе. Через минуту он вернулся с тазом горячей воды и мочалкой. Вода в тазу была темной и крепко пахла какими-то травами.

– Вымойся, госпожа, – сказал он и улыбнулся.

Каста схватила мочалку, окунула ее в воду и начала тереть себя с яростью безумца, убежденного, что его кожа покрыта невидимыми для остальных паразитами. Станный состав, которым она мылась, пенился на коже и вызывал сильное жжение, но Касте казалось, что она наконец-то освободилась от вьевшегося в ее тело страшного запаха и от того ужаса, который испытала этой ночью. Ее тошнота улеглась, стала понемногу проходить дрожь в ногах. Она

продолжала тереть себя мокрой мочалкой, расплескивая едко пахнущую воду и постанывая от удовольствия. Она остановилась только тогда, когда все ее тело начало гореть и зудеть, будто ее отстегали крапивой, зато ужасный запах совершенно исчез. А потом появился Олан и принес ей ее плащ и доспехи.

- Возьми. – Каста щедро сыпанула золото в руку мальчика. Олан замотал головой.
- Нет-нет, госпожа, тут слишком много!
- Не много. Бери! За *такую* работу тебя следует осыпать саккарами с головы до ног.
- Как прикажет госпожа. – Олан поклонился. – Помочь госпоже одеться?
- Я сама. Ступай, нечего на меня глазеть.
- Как прикажет госпожа.

Старик вернулся, когда она почти закончила одеваться.

- Я позаботился о твоём друге, – сказал он. – Он уже на пути в мир своих предков.
- Как твоё имя, старик?
- Зачем тебе моё имя?
- Просто хочу знать, кто сегодня заставил меня вновь поверить в людей.
- Ты очень добра, Воительница. Но впредь не делай подобных глупостей.
- Ты узнал меня?
- Тебя узнает любой, кто хоть раз видел тебя на арене.
- Спасибо тебе, отец.
- Я всего лишь сделал мою работу.
- Пусть боги благословят тебя. Ты хороший человек.
- Дедушка, ведь это была она? – спросил Олан у старика, когда Каста покинула башню могильщиков. – Это ведь была Каста-Убийца, да?
- Запомни, Олан, ты никого этой ночью не видел, – сказал старик, запирая дверь на засов. – Не было здесь никого. Это был просто сон. Понял меня? Ни слова никому, даже нашим собратьям по гильдии.
- Я понял, дедушка. Она дала мне пять саккаров.
- Это хорошо. Спрячь их получше и никому никогда про них не говори. Может быть, придет день, и эти деньги помогут тебе вырваться из ада, в котором мы живем... А теперь иди спать. Скоро утро, и у нас будет много работы. Пока в Дарнате есть судьи и палачи, мы не останемся без куска хлеба.

* * *

Раб-привратник, открывший двери в дом Кувлада, был ей незнаком и выглядел заспанным и напуганным. Каста не стала объяснять, почему пришла так поздно – оттолкнув раба, вошла вовнутрь, в просторный вестибюль дома, ярко освещенный множеством горящих свечей. В конце концов, хозяин этого дома – её любовник, так что совершенно незачем ждать у дверей, когда её соизволят принять.

Нанести визит Кувладу она решила не сразу. Эта мысль пришла к ней уже на пути в порт – вначале она собиралась остановиться на ночь в таверне Ниррана. Она передумала, когда Нирран сообщил ей о том, что договорился с капитаном-саисцем, и для Касты есть место на саисской галере, покидающей Дарнат на рассвете. Подумала о Кувладе и решила с ним проститься. Молодой дарнатец был её официальным любовником. Их связь продолжалась уже три месяца – Кувлад, потомственный аристократ и один из богатейших людей в Дарнате, очень долго добивался её внимания. Он ходил на все её бои в цирке, присылал ей богатые подарки, которые Каста не принимала – боялась увлечься Кувладом по-настоящему, потерять голову, потому что молодой дарнатец ей самой приглянулся. В отличие от большинства её поклонников Кувлад был молод и красив – высокий, смуглый, с мечтательными черными глазами, изыс-

канный и прекрасно воспитанный. Но Кувлада не отпугнула такая холодность, он был настырен, и Каста сдалась. В длинной череде ее любовников Кувлад был первым, к кому она была по-настоящему привязана. В Дарнате много сплетничали об их связи, но Касту это мало волновало. Ей был нужен Кувлад хотя бы для того, чтобы иногда чувствовать себя женщиной. Их отношения были меньше, чем любовь, но больше, чем симпатия. Каста и сама понимала, что они с Кувладом никогда не смогут пожениться – подобный брак запрещали дарнатские законы, – а быть просто наложницей она не хотела. Кувлада, казалось, тоже устраивали мимолетные встречи. Он добивался любви амазонки и добился ее, остальное не имело значения. Но в эту ночь, перед тем как навсегда покинуть Дарнат, Касте захотелось еще раз увидеть молодого человека. Возможно, потому что ближе Кувлада никого у нее в этом городе не было. Забрав у Ниррана вещи, Каста отправилась к Кувладу.

Сам Кувлад появился в вестибюле через несколько мгновений, на ходу поправляя складки своей хламиды. Каста могла ясно прочитать на его заспанном лице всю охватившую его гамму чувств – растерянность, недоумение, удивление, радость.

– Боги Дарната! – воскликнул Кувлад, заключив девушку в объятия и крепко поцеловав. – Моя богиня пришла проведать своего раба. Почему ты не предупредила меня о своем визите? Я бы позаботился о хорошем приеме для своей яркой звезды.

– Прости, милый. – Каста убрала с лица волосы, виновато улыбнулась Кувладу. – Я разбудила тебя.

– И славно! Остаток ночи мы проведем, бодрствуя, ты же знаешь, как я дорожу часами, проведенными с тобой, моя воительница. – Тут Кувлад поморщился. – Боги, что за запах! От тебя разит, как от бальзамировщика! И почему ты в доспехах, с оружием и вещами?

– Долго объяснять, милый. Скажу только, что мне бы очень не хотелось пережить еще одну такую же ночь.

– Что случилось? – С лица Кувлада сошла улыбка.

– У меня неприятности. Ты позволишь войти?

– Конечно же! Я сейчас велю рабам приготовить для тебя горячую ванну. Располагайся, мой дом в твоём распоряжении.

Рабы Кувлада оказались расторопнее, чем ожидала Каста. Через четверть часа она уже нежилась в горячей воде, в которую обильно добавили благовоний. Потом пришел Кувлад в сопровождении двух рабов – один нес серебряный кувшин с красным каэстанским вином, другой – поднос с фруктами и сладостями.

– Ты разрешишь присоединиться к тебе? – Кувлад игриво улыбнулся, стянул с себя тунику.

– Не сейчас, милый, – сонным голосом сказала Каста: тепло ванны наполнило ее тело долгожданным покоем. Ласки Кувлада разрушили бы этот покой, и вообще ей сейчас было не до любви. – Может быть, позже.

– Хорошо. – Кувлад сел на бортик ванной, взял руку девушки в свои ладони. – Можешь ничего не объяснять мне, мое светило. Я знаю о том, что сегодня случилось в Цирке. Я видел бой. Весь Дарнат только об этом и говорит. Все восхищены тобой. Ты поступила правильно. Этот орк был в твоей власти. Как и я. – Он наклонился к Касте и попытался поцеловать, но девушка не позволила ему этого сделать.

– Умоляю, Кувлад, только не сейчас.

– Ты меня больше не любишь?

– Если бы не любила, не пришла бы.

– Тогда в чем дело?

– Я убила человека, Кувлад.

– Ха, велико горе! Ты все время это делаешь, или я не прав?

– Я убила свободного гражданина, милый.

– Вот как! – Кувлад улыбался, но лицо его побледнело. – Как же тебя угораздило?

– На меня напали. – Каста, не открывая глаз, начала рассказывать обо всем, что случилось с ней прошлым вечером. Кувлад слушал, кивал головой и все больше мрачнел. Наконец Каста замолчала и со вздохом вышла из ванной. Бросив быстрый взгляд на Кувлада, она заметила, что он смотрит не на нее, а куда-то в сторону.

– Мне одеться? – спросила она.

– Что? – Кувлад встрепенулся, поднял на нее глаза. Улыбка на губах молодого человека показалась Касте натужной и неискренней. – Конечно же нет! Я так давно не видел тебя нагой. Ты прелестна. Сама божественная Куа не сравнится с тобой, моя жемчужина! В Дарнате нет ни одной женщины с такой кожей и с таким телом, как у тебя, клянусь лучезарным диском Ин-Нубаса! Твои шрамы только придают тебе прелести.

– Ах, Кувлад, почему от твоих слов мое сердце начинает таять? – Каста тряхнула головой, обдав любовника дождем теплых пахучих капель, прижалась к его груди. – Обними меня крепче. Мне надоело быть Кастой-убийцей. Хочу почувствовать себя маленькой, слабой и любимой. Хочу, чтобы ты согрел мое сердце в своих ладонях, чтобы твое дыхание высушило мои слезы. Хочу, чтобы мое тело растаяло от твоих поцелуев и ласк. Мне сейчас очень плохо.

– Не думай о том, что произошло. – Кувлад коснулся губами ее губ, потом ласково провел пальцами по ее груди. – Я Кувлад, не последний человек в этом городе. Я замолвлю за тебя слово в Доме Закона, и тебя оставят в покое.

– Ты и вправду сможешь это сделать?

– Даже не сомневайся. Только нам нужны доказательства того, что ты защищалась. У тебя есть свидетели?

– Нет. Там был один старый гладиатор, но эти псы убили его.

– Очень жаль. – Кувлад вдруг весело и беззаботно рассмеялся. – Впрочем, все это пустяки. Давай не думать о плохом, моя лучезарная. Нас ждет моя спальня и остаток ночи, которую мы должны употребить на более приятные вещи, чем разговоры о наших бедах. Ведь ты скучала без моих ласк, признайся.

– Только сейчас я поняла, как же ты мне дорог.

– Тогда докажи мне это! – Кувлад подхватил девушку на руки и вынес из купальни в пиршественный зал, а оттуда в роскошную спальню, в которой уже курились ароматные благовония, дурманящие разум.

Каста мечтала забыть обо всем, что ей довелось пережить в этот вечер, и ее мечта почти сбылась. Кувлад был необыкновенно нежен, его руки мягко скользили по ее телу, и Касту захватила настоящая страсть. Сегодня она старалась быть покорной и подвластной своему любовнику – Кувлад однажды то ли в шутку, то ли в упрек сказал ей, что она ведет себя в постели как мужчина. Этой ночью ей очень хотелось быть слабой и беззащитной. Пусть Кувлад ласкает ее, любит ее, защищает ее, владеет ею. Она хочет, чтобы их последняя ночь запомнилась ей надолго. Пусть ночь любви заставит ее забыть о виденном в Чумных Рвах...

– Нет, милый, не так, – шепнула она, когда поняла, что Кувлад собирается войти в нее сзади. – Я хочу видеть твои глаза.

Кувлад подчинился, и они вновь оказались лицом к лицу. Каста теперь видела его глаза, но странно – ей показалось, что это другой Кувлад, не тот, кого она знала все эти месяцы. Во взгляде юноши было не только желание. Касте показалось, что Кувлад растерян. Что он чего-то боится. Его руки были нежными и умелыми, но глаза были пусты.

– Ну давай же! – зашептала она, потянув любовника на себя. – Или ты устал? Клянусь Шантэ, ты никак не можешь поднять свое копьё, чтобы поразить цель!

– Нет, я всего лишь...

– Пустяки, милый. Хочешь, я помогу тебе? – Каста кончиками пальцев нежно провела по обмякшему мужскому достоинству Кувлада.

– Это все вино. – Кувлад вдруг перекатился на постели, встал, накинул расшитый халат. – Прости, милая. Я выпил слишком много вина сегодня.

– У нас еще много времени. – Каста игриво улыбнулась, тряхнула своей пышной светлой шевелюрой, похлопала ладонью по ложу рядом с собой. – Все можно исправить.

– Прости. Я должен покинуть тебя... ненадолго. Я вернусь, и мы продолжим.

– Как хочешь, любовь моя.

Кувлад исчез за тяжелой драпировкой, скрывающей дверь в опочивальню. Каста откинулась на подушки, закрыла глаза. Неудовлетворенное тело требовало разрядки, низ живота наполнился мучительной тяжестью. Вздохнув, Каста положила ладонь на живот, потом ниже, на промежность, почувствовала, как по телу пробежала дрожь, но тут же отдернула руку – сама мысль о том, что она добьется освобождения таким способом здесь, в постели Кувлада, показалась ей унижительной. Лучше подождать, может быть, ее хозяин вернется, осознав, что оскорбляет ее, и все же доставит ей необходимое удовлетворение. Немного подождать, расслабиться. Даже можно поспать. У нее был такой тяжелый день, что короткий сон просто необходим. Час или два сна. Время еще есть, галера уходит на заре. Кувлад разбудит ее, когда вернется, и она все же получит от него удовлетворение.

Или он больше не любит ее?

Каста тряхнула головой. Огоньки светильников начали выпускать длинные световые нити, глаза слипались сами собой. Ей хотелось дождаться Кувлада. Но еще больше хотелось спать. Когда он еще вернется, этот мальчишка? Некстати он пил вино, совсем некстати. Она ожидала совсем другой ночи. Нет – так нет, в ее жизни бывали и большие разочарования. Нечего злиться на Кувлада, лучше поспать. Совсем немного.

* * *

Тулькан стоял, повернувшись к ней спиной. Она могла слышать его хриплое дыхание, и ей показалось странным, что орк еще жив. Ведь там, во рвах он умер – она эта видела. Старый могильщик похоронил его. Почему же он пришел к ней?

– Женщина много спать, – сказал Тулькан, не оборачиваясь. – Нельзя спать. Враг близко. Найти Динче.

– Зачем мне Динче? – спросила она.

– Затем, что женщина говорить с Динче. Очень важно. Женщина должен знать.

– Что знать?

– Камень Айвари. Женщина ходить к Динче. Динче сказать, что делать.

– Я не понимаю тебя, Тулькан.

– Глупый женщина! – Орк засмеялся лающим смехом. – Моя умирать. Никто не помогать женщина. Камень Айвари. Шенай-эшган-рох-аммар-денна!

– Что это значит?

– Это значит: «Ты женщина с душой воителя». Динче объяснить. Но уже поздно. Твоя не попадать к Динче.

– Почему?

– Твоя сейчас просыпаться.

– Тулькан?

– Каста!

Она открыла глаза. Рядом с постелью стояли два стражника в позолоченных доспехах с эмблемой Священного Легиона. Один из них, постарше, держал в руке свиток папируса и жезл из слоновой кости. Стражник помоложе с видимым удовольствием разглядывал обнаженную Касту. Еще двое воинов стояли у входа в спальню и тоже бесцеремонно глазели на нее.

– Ты – Каста, селтонка из Церуния, бывшая рабыня и собственность ланисты Дерака, которую еще зовут Кастой-Амазонкой, воительница из Цирка, – сказал старший и коснулся ее плеча своим жезлом. – Одевайся, ты пойдешь с нами.

– Куда? – Девушка натянула на себя простыню, чтобы прикрыться от слишком откровенных взглядов легионеров.

– В Дом Закона. Ты совершила убийство свободного гражданина, и за это предстанешь перед судом.

– Я защищалась! – воскликнула Каста, прекрасно осознавая, что легионеры не верят ни единому ее слову.

– Это не важно. Иди за нами и помни, что за сопротивление страже Бога тебя ждет смерть.

Сопrotивляться, драться со стражей, с горечью подумала Каста, – чем? Из всех ее вещей при ней только амулет с прядкой Элеа. Ах, Кувлад, Кувлад! Вот почему у тебя был такой взгляд ночью, вот почему ты не мог показать себя мужчиной!

Мужчиной? Кувлад – мужчина?!

Она захохотала. Пожилой легионер нахмурился, спросил, почему она смеется.

– Четверо вооруженных воинов пришли арестовать голую девчонку, разве это не смешно? – сказала Каста. – Так и будете на меня тарашиться или дадите одеться?

По знаку пожилого один из легионеров бросил к ее ногам светло-зеленую шелковую тунику и сандалии. Каста узнала одежду из своего мешка. Значит, подонок Кувлад уже отдал ее пожитки страже.

– А где хозяин дома? – спросила она начальника стражников.

– Он не пожелал идти с нами. Это его право.

– Жаль, – сказала Каста, завязывая ремешки правой сандалии. – Когда-то я считала его своим возлюбленным. Хотелось бы сказать ему на прощание, кто он такой.

– Он сможет навестить тебя в Башне Молчания.

– Не стоит. – Каста встала, набросила на себя тунику, посмотрела пожилому стражнику прямо в глаза. – Иногда крыс и червей лицезреть приятнее, чем тех, кто когда-то был тебе дорог.

Глава четвертая

Солнце над Дарнатом поднялось уже высоко, когда Самедьяр постучал в ворота роскошного особняка купца Узмая в Храмовом квартале. Ворота открыл раб-привратник и тут же провёл Самедьяра в огромный тенистый сад, где хозяин дома после полуденной трапезы нежился в бассейне.

В саду два раба встретили Самедьяра, омыли ему ноги и предложили переодеться в свежую тунику из тонкого белого хлопка, а также окропили гостя благовониями. После пыльных и душных улиц Дарната переодевание в чистую одежду стало настоящим удовольствием. Приведя себя в порядок, Самедьяр по дорожке, мощенной мраморными плитами, направился к бассейну. Узмай медленно плавал на спине, выставив из чистейшей голубоватой воды свое огромное волосатое брюхо. Две молоденькие рабыни-афаристанки, облаченные только в узенькие набедренные повязки, стояли на бортике бассейна, ожидая, когда их хозяин выйдет из воды, чтобы подать ему полотенце и бокал с шербетом. Самедьяр скользнул взглядом по афаристанкам, оценил их безупречные соблазнительные формы и перевел взгляд на Узмая, который к этому моменту заметил гостя.

– Мой друг! – Узмай помахал молодому человеку рукой. – Добро пожаловать в мой скромный дом. Освежись, если у тебя к тому есть желание.

– Благодарю, господин, но я лучше подожду вас здесь.

– Однако как сегодня жарко! – Узмай нырнул, выплыл, отдуваясь и фыркая, как бегемот. – Не вылезал бы из бассейна, клянусь грудями Куа! Ты принес мне хорошие новости, друг мой?

– Более чем хорошие, господин.

– О Игерабал! – Узмай в несколько гребков доплыл до мраморной лестницы, выбрался из бассейна. Вытер полотенцем лицо, знаком велел рабыням удалиться. – Выкладывай!

– Я разговаривал с самим владыкой Ашраном, и он принял деньги и сообщил мне, что шофет готов принять его план.

– Верно ли?

– Истинно так, господин. Ашран не станет лгать. Божественный шофет так влюблен в вашу дочь, что готов сделать все, лишь бы добиться ее благосклонности.

– И я действительно стану Сыном Моря?

– В самое ближайшее время, господин.

– Благодарение Игерабалу! Знали бы отец мой и мать, что однажды их сын вознесется так высоко! – Узмай вознес взгляд к небу. – А заказ на строительство новых кораблей?

– Он уже почти готов. Ашран убедил государя взять кредит у богатых купцов Дарната, и шофет согласился.

– Повтори еще раз! О, твои слова звучат нежной музыкой для моего слуха! Сколько судов собрался заказать светлейший шофет?

– Пока неизвестно. Но я кое-что узнал у придворных. За небольшое вознаграждение они сообщили по большому секрету, что назревает война с сабейскими пиратами. А это значит, что светлейшему шофету понадобится много кораблей. Стоимостью в тысячи саккаров.

– Какие хорошие вести ты сегодня принес! Воистину, ты просто вестник удачи. Я прикажу щедро наградить тебя.

– Я старался не ради награды.

– Знаю, ты лучший мой друг, Самедьяр. Я тебе очень благодарен. – Узмай ласково потрепал молодого человека по плечу. – Иногда я отношусь к тебе как к сыну. Это честь для меня – иметь такого друга.

– Во власти господина сделать так, чтобы я стал ему больше, чем сын. Чтобы я стал его зятем.

– Ах, друг мой! – Узмай поморщился. – Ты опять об этом! Ты же знаешь, что сам шофет...

– Шофет не сможет жениться на прекрасной Шеммер-Та-Нат. Его страсть пройдет. А я готов жениться хоть завтра.

– Я бы с радостью благословил вас, Самедьяр. Но Шеммер-Та-Нат не согласится выйти за тебя замуж. Ты ведь говорил с ней, не так ли?

– Говорил.

– И что же?

– Она отказала.

– Вот видишь! – Узмай сокрушенно покачал головой, почмокал толстыми губами. – Моя дочь не любит тебя.

– Верно. Она никого не любит, кроме этого мерзкого раба Леодана.

– Что я могу поделаться? Моя дочь очень им дорожит, а я не привык ни в чем отказывать моей девочке. Этот смазливый никчемный мальчишка и мне как кость в горле. Но я ничего не могу сделать. Дочка никогда не согласится расстаться с этим сыном свиньи и ишака. С тех пор, как умерла моя жена – да упокоит среброглазый Шеш ее светлую душу! – Шеммер-Та-Нат ни на день не расстается с Леоданом. Этот женоподобный чохи¹ для нее дороже всех женихов Дарната, вместе взятых. Я ведь не раз пробовал уговорить ее, но она даже не хотела меня слушать, избалованная девчонка! Последние два года я этого проклятого дорийца даже на рынок не могу послать без ее позволения.

– Теперь, когда сам шофет склонил свое светлое око к вашей дочери, у нас есть возможность избавиться от негодного раба.

– Нет, – решительно сказал Узмай, которому начал надоедать этот разговор. – Шеммер-Та-Нат нравом в меня, упрямая, как мул. Для нее легче расстаться со мной, с этим домом, со всеми сокровищами, которые у нее есть, чем с этим сыном непохороненного отца. Она и во дворец шофета его возьмет с собой. Мальчик так смахивает на евнуха, что его даже не придется кастрировать. А шофет, судя по тому, что я знаю, так влюблен в мою дочь, что не откажет ей в этой прихоти. Клянусь ликом и ладонями Куа, я не понимаю, в чем здесь дело. Может, это черное колдовство?

– Тогда стоит переговорить с жрецами: может, этот женоподобный дориец и в самом деле...

– У тебя что, дыня вместо головы? На нас упал высочайший взор Солнца из Дома Солнца: сама Куа внушила молодому шофету любовь к моей дочери. Представляешь, что случится, если пойдут разговоры о ворожбе? Государь сразу охладит к Шеммер-Та-Нат. А я впаду в немилость. Колдовство в доме Узмая! Хуже и придумать ничего нельзя. Нет, эта идея не годится. Надо придумать что-нибудь другое.

– Дориец может просто исчезнуть.

– Куда? Посадить его на корабль и отправить куда подальше? Дочь меня со света сживет.

– Он может умереть. Все мы смертны. А Шеммер-Та-Нат погорюет и смирится.

– Убить раба? – Узмай с интересом посмотрел на Самедьяра. – Уж не ты ли собрался перерезать ему горло?

– Зачем же? Есть хорошие законы. Например, есть закон о рабе, обокравшем своего господина.

– Ты смешишь меня, Самедьяр. У Леодана не останется духу что-нибудь украсть. Он живет в этом доме с самого рождения и за эти годы даже яблоко без спроса с дерева не сорвал.

¹ Чохи – чужеземец, варвар.

– Кражу можно подстроить. А там поди докажи, что негодный раб на самом деле невинен.

– Это мысль! – Узмай испытующе посмотрел на молодого человека. – А ты редкий подлец, Самедьяр. Я бы не додумался до такой подлости.

– Всего лишь несчастный влюбленный, который в отчаянии пытается придумать для себя любой способ добиться взаимности. И потом, я хочу, чтобы милость шофета не оставила вашу дочь.

– О чем это ты?

– Вы сказали, что Шеммер-Та-Нат захочет взять Леодана с собой во дворец. Конечно, этот жалкий раб так смешон и нелеп, что никому не придет в голову подозревать между ним и вашей дочерью какую-то тайную связь. Однако наш юный государь так ревнив...

Узмай вздрогнул. Он понял, что это предупреждение. Что Самедьяр устал ждать и готов пойти на любые шаги, лишь бы заполучить его дочь в жены. О любви Самедьяра к дочери купец знал давно. Парень-то и появился в его доме как один из многочисленных ухажеров красавицы Шеммер-Та-Нат. И вот уже почти год ходит сюда чуть ли не каждый день. Подобострастен и почтителен до слащавости – слаще халвы. Узмай понимал, что этот молодой офицер Священного Легиона водит с ним дружбу исключительно из-за Шеммер-Та-Нат. Однако это не смущало купца – Узмай был даже по дарнатским меркам очень богат, а ничто так не стирает сословные границы, как деньги. Но главное, этот юноша безумно влюблен, и влюблен в его дочь. Так что Узмай не стесняясь использовал расположение юноши в своих интересах. Самедьяр не раз оказывал ему важные услуги. Откуда бы Узмай узнавал о том, что творится во дворце Повелителя Моря, если бы не Самедьяр? Именно в голове Самедьяра возник план использовать неожиданный интерес шофета к купеческой дочери для возвышения Узмая. Ревновать к шофету? Пустое занятие. Шофет – двойник Солнца на земле, но вот жениться на купеческой дочке не сможет никогда. А Самедьяр сможет и женится, когда шофету наскучит новая любовница. Может, после знакомства с опочивальней государя и Шеммер-Та-Нат станет поговорчивей. Самедьяр, понятное дело, старался для себя, но купец оценил ум, хитрость и беспринципность парня. Если этот план осуществится, все будут довольны – Узмай станет ну очень важным вельможей и положит в карман тысячи саккаров, Самедьяр же женится на любимой женщине и станет зятем самого Сына Моря. Для простого сотника Легиона откроются просто заоблачные перспективы. Только шофет не получит ничего, кроме мимолетного удовольствия, к которому так стремится – впрочем, большего он и не желает. Любовь иногда и в самом деле бывает бескорыстной. Теперь слова молодого человека встревожили купца. Все его грандиозные планы могут сорваться из-за непонятной привязанности дочери к дорийскому рабу – женоподобному, глупому и ленивому.

– И как же ты намерен исполнить этот план? – поинтересовался Узмай. – Шеммер-Та-Нат все время держит Леодана при себе. Девчонка вбила себе в голову, что этот миловидный мальчишка – ее живой талисман. Она никогда не поверит, что Леодан что-нибудь у нее украл. И зачем ему воровать? Он и так благодаря моей дочери живет в царской роскоши, хотя, будь моя воля, я бы давно продал его какому-нибудь любителю красивых мальчиков. Ты должен признать – Леодан красив и хорошо воспитан. За него заплатили бы хорошие деньги.

– Он может что-нибудь украсть у вас, господин. Он ведь обожает дорогие безделушки.

– Что именно?

– Что-нибудь очень ценное. Дорогую вещь, которая может его привлечь. Редкую драгоценность, например. Такую, которую очень легко опознать. Остальное я беру на себя.

– Ты хочешь подбросить ему эту вещицу? – Узмай начал теребить крашенную хной бороду. – А если дочка нам не поверит?

– Главное, чтобы судья поверил. Согласны, господин?

– Честно говоря, этот раб мне очень дорого обходится. Шеммер-Та-Нат тратит кучу денег на него. – Узмай исподлобья посмотрел на собеседника. – Пожалуй, стоит попробовать. Сказать по совести, мне жалко этого мальчишку, хотя толку от него никакого. Он неплохо поет и играет на цитре – вот и все, что он умеет. Я терплю его, потому что моя покойная жена любила его, и дочь считает, что он послан в наш дом богами... Так жестоко с ним поступить! Но ты прав. Нельзя позволить никчемному рабу погубить мое и твое счастье – и счастье моей доченьки тоже. Только, боги свидетели, мне жаль этого парнишку. Моя жена осудила бы меня, если я причинил бы ему зло. Так что я как бы согласен на твое предложение, Самедьяр, но, во имя Игерабала, делай все сам!

«Ври больше, старый притворщик, я-то знаю, почему ты до сих пор не освободился от этого дорийского щенка, – подумал Самедьяр, глядя на сокрушающегося Узмая. – Бьюсь об заклад, что дорийский красавчик ублажает тебя в постели и делает это уже не один год! Кого ты хочешь обмануть, Узмай? Тебе самому не хочется избавляться от него, клянусь светлым ликом Шеша!»

– Так вы согласны, господин? – добавил он вслух.

– Я дам тебе одну вещь, которую я когда-то подарил своей жене. Остальное – твоя забота. Однако помни, что мою дочь не так-то легко будет убедить в виновности Леодана.

– Но могу ли я надеяться, что в случае успеха вы согласитесь отдать прекрасную Шеммер-Та-Нат мне в жены?

– Слово Узмая.

– О, господин! – Самедьяр опустился перед купцом на колени, прижался губами к его пухлой руке. – Вы не пожалеете о вашем великодушии. Даже пес не будет вам так предан, как я.

– Знаю, знаю! Приходи ко мне сегодня вечером на ужин, там мы обсудим, как и что делать. А сейчас оставь меня. Мне еще нужно просмотреть счета за эту неделю.

– Непременно приду, господин. Пусть Игерабал осыплет вас и ваш дом своими милостями!

– Иди же. И не забудь сообщать мне все, о чем узнаешь в Доме Бога.

– Я помню, кому я служу. До вечера, господин!

– До вечера. – Узмай дождался, когда молодой человек исчезнет за деревьями сада, потом растопыренной пятерней почесал свой необъятный живот и прошествовал мимо бассейна к мраморному столику, который рабыни-афаристанки уже уставляли всем тем, что повар Узмая приготовил для хозяина к послеполуденной трапезе.

Новый подарок от шофета был просто чудесным – никогда в жизни Шеммер-Та-Нат не видела ничего подобного, хотя в дома купца Узмая было предостаточно дорогих диковинок. Золотое гранатовое яблоко было сделано так искусно, что его хотелось разрезать и съесть. Когда же Шеммер-Та-Нат нечаянно нажала скрытую в плодоножке яблока тайную пружину, яблоко с мелодичным звоном раскрылось на шесть долек, и восхищенная девушка увидела множество скрытых внутри золотого граната рубиновых зернышек, искрящихся красными огоньками. К удивительному яблоку вдобавок шофет прислал нить великолепного жемчуга, но на нее Шеммер-Та-Нат даже не обратила внимания.

– Боги, как красиво! – воскликнула она, захлопав в ладоши.

– И изысканно, – добавил Леодан. Он сидел на подушках подле своей госпожи и тщательно полировал бронзовой пилкой ногти на левой руке. – Солнце из Дома Солнца всегда делает тебе изысканные подарки.

– Он влюблен в меня.

– Тебя это удивляет?

– Это мне кажется непонятным. – Шеммер-Та-Нат провела ладонью по своим черным, завитым в мелкие кольца волосам. – Жена шофета – редкая красавица. Я не могу с ней соперничать.

– Глупости! – Леодан дунул на пилку, критически осмотрел ногти, остался доволен. – Ты прекрасна. Царица Куати тоже красива, но ей не хватает твоей женственности. У нее красота холодная, вызывающая только восхищение, не больше. В тебе же горит пламя Куа, твоя красота будит в мужчинах безумное желание. И наш шофет не может этого не видеть.

– Иногда я боюсь будущего, Леодан, – сказала Шеммер-Та-Нат, проведя пальчиком по губам, чтобы снять комочки помады. – Любовь шофета меня страшит. Конечно, это великая честь, когда Сын Солнца обращает на девушку свой благосклонный взгляд, но... Царица не простит мне этой любви, понимаешь? А попросту отвергнуть шофета я не могу, даже страшно себе представить, чем это может закончиться.

– Пустяки! Шофет так влюблен в тебя, что простит тебе любые капризы.

– Однако я не готова принять его ухаживания. Это может разгневать его, ведь так?

– Шофет всего лишь мужчина. А мужчины, едва завидев тебя, забывают обо всем на свете.

– Ты так часто говоришь мне это, Леодан, что я начинаю сама в это верить, – сказала Шеммер-Та-Нат, очень польщенная словами юноши. – И не отрицай, что во многом ты мне помогаешь быть красивой. У тебя безупречный вкус. Никто не сравнится с тобой в умении выбрать для женщины наряд или украшение так, чтобы они идеально подчеркнули ее красоту. Я очень это ценю.

– Ты очень добра ко мне. – Леодан сложил накрашенные губы в усталую улыбку. – Я так люблю тебя, Шеммер-Та-Нат! Как жаль, что в этом грубом и несовершенном мире слишком мало людей, подобных тебе! Точнее сказать, их вовсе нет. Твоя красота делает тебя подобной божеству.

– И я тебя люблю. – Шеммер-Та-Нат поднялась с подушек, подошла к Леодану, обняла его и поцеловала. – Ты хоть и мужчина, но понимаешь женскую душу лучше иной женщины.

– Ты мне уже говорила об этом сегодня. – Леодан внимательно посмотрел на девушку. – Ты надела берилловые серьги? Сапфировые тебе идут гораздо больше. Они изумительно подходят к твоим синим глазам и к твоей смуглой коже. Надень их, прошу.

– Да? – Шеммер-Та-Нат схватила зеркало, критически осмотрела себя. – Пожалуй, ты прав. Просто это новые серьги. Подарок Самедьяра.

– Фу! – Леодан скривился в брезгливой гримасе, в театральном ужасе распахнул подведенные глаза. – Ты все-таки принимаешь от него подарки?

– Почему бы и нет? Он очень милый юноша.

– Милый? У него пахнет изо рта. И он скверно одевается. Надеть оранжевую с золотом хламиду вместе с сандалиями зеленой кожи – о, боги! У него совершенно нет вкуса. И его подарки просто убоги. Всего лишь берилловые серьги! Он просто скупердяй. Мог бы подарить тебе украшение подороже и поизысканнее. А в прошлый раз он подарил тебе эту мерзкую обезьяну. После нее целую неделю в покоях воняло мочой.

– Однако у него красивые глаза, – сказала Шеммер-Та-Нат, рассматривая себя в зеркало. – И он в меня влюблен. Он не может делать мне дорогие подарки, потому что денег у него не так много. Но ты прав, Леодан, эти серьги мне не идут. Я послушаюсь тебя и надену сапфировые.

– Не стоит давать Самедьяру надежду, – сказал Леодан. – Он никогда не станет твоим мужем. Ты привыкла к роскоши, а в доме Самедьяра ты ее не получишь. Он всего лишь офицер, хоть и служит в гвардии самого шофета. Ты достойна того, чтобы твой муж осыпал тебя золотом, будто алтарь Шат-Цебу... Ты послушалась моего совета, а теперь мне нужен твой совет.

Каким лаком мне лучше покрыть ногти? Позавчера я выбрал перламутровый лак. Сегодня мне хочется чего-нибудь новенького, праздничного.

– Цвет царского пурпура. Тебе ведь нравится этот цвет, не так ли?... Ого, нас с тобой потеряли!

Восклицание Шеммер-Та-Нат заставило Леодана отвлечься от ларца с туалетными принадлежностями и обернуться. В дверях покоя появился управитель Шебтар, осанистый, важный и разодетый, как на праздник.

– Поди сюда, дориец! – велел управляющий, подкрепив свои слова призывным жестом. – Есть работа для тебя. Хозяин поручает тебе важное дело.

– И какое же? – Леодан с видимой неохотой поднялся с расшитых подушек.

– В эту субботу хозяин намерен принять очень высоких гостей. Нужны новые драпировки для трапезной. Ты отправишься в Торговый город и выберешь ткани для этих драпировок. Деньги я тебе дам.

– Я должен идти немедленно? – Леодан вопросительно посмотрел на Шебтара, потом на Шеммер-Та-Нат.

– Конечно. Или ты думаешь, что хозяин будет ждать, пока ты соизволишь поднять свою холеную дорийскую задницу и выполнить то, что он велит?

– Выбери слова, Шебтар! – нахмурилась девушка. – Леодан принадлежит мне, и только я могу отдавать ему распоряжения.

– Прости, госпожа, но дело срочное, а лучше твоего раба никто задание хозяина не выполнит. Если только ты сама...

– Ну уж нет! – Шеммер-Та-Нат перевела взгляд на Леодана. – Тебе ведь нетрудно будет выполнить поручение отца?

– Конечно нет. Я и сам хотел бы немного пройтись по магазинам и посмотреть новинки.

– Очень хорошо. – Девушка подошла к низкому комоду из резного дерева, открыла стоявший на комод ларец и достала из него несколько золотых монет. – Возьми, купи себе подарок. Порадуй себя. А потом мы вместе посмотрим твои покупки.

– Отличная мысль! – Лицо юноши просветлело. – Ты очень добра ко мне, милая Шеммер.

– Потому что ты у меня самый лучший. – Девушка поцеловала Леодана. – Ступай и возвращайся быстрее. Мне будет скучно без тебя.

* * *

День был знойный и пыльный, рынок был полон народу, и Леодан, пробираясь между рядами торговцев, с тоской вспоминал приятную прохладу покоев Шеммер-Та-Нат. Его вышитая виссоновая одежда промокла от пота, на зубах хрустел песок. Леодану казалось, что грим начал течь у него по лицу. Обмахиваясь веером, он шел по рынку, втихомолку проклиная жару, Узмая с его заданием и вонючих плебеев, окружающих его. Торговцы принимали его за знатного господина и глядели на него с любопытством. Сам же Леодан бросал равнодушные взгляды на горки разноцветных ароматных плодов, зелени и пряностей, на глиняную, медную и стеклянную посуду, останавливаясь лишь у лотков с тканями, обувью и одеждой, но ничего стоящего не увидел. Продвигаясь по рынку, он оказался в его восточной части, там, где находились самые дорогие лавки, торгующие привозными товарами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.